

84(3)
Л59

Барбру Линдгрен

ПРИВЕТ, МАТТИАС!

МА-МА • МЫ-ЛА • РА-МУ

Barbro Lindgren

Hej hej Mattias!

Барбру Линдгрен

ПРИВЕТ, МАТТИАС!

Иллюстрации автора

Перевод со шведского Людмилы Брауде

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2019

● МА-МА ● МЫ-ЛА ● РА-МУ ●

Серия книг для первого чтения

Первые книги для тех, кто уже научился читать.

© Text & illustrations Barbro Lindgren, first published by Rabén & Sjögren, Sweden, in 1967.

Published by agreement with Rabén & Sjögren Agency.

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2019

© Людмила Брауде, наследники. Перевод на русский язык, 1984

СОДЕРЖАНИЕ

Городок для улиток	7
Пастор, Майи и прочие	18
Дикая собака в Нортале	27
Про корь Пончика и про тролля Пелле Большого	42
В Амирку	54
Праздничный пир у Пелле Маленького	65
У Филиппы раздуло щечку	76
Приехал дядя Клумпе-Думп	82
Появляется Калле Хлюпик, а Пелле Маленький рассуждает о папах	91
Дядя Клумпе-Думп вместо папы	97
Праздник середины лета	104

Спасибо Стафану Альбергу

ГОРОДОК ДЛЯ УЛИТОК

Казалось, никогда на Ванадисвеген не было так много детей. Нарядно одетые, они торопились на праздник, посвященный окончанию учебного года.

Погода стояла как по заказу. Ярко светило солнце, а деревья покрылись такой нежной зеленью, какая бывает только весной. Среди этой зелени весело трепетал флаг, который был поднят на школьном дворе.

Там, на школьном дворе, окруженном железной оградой, было уже полным-полно детей, которые собрались на праздник. Ну а тех, кто еще не дорос, чтобы ходить в школу, во двор не пускали. Поэтому Маттиас и Пелле Маленький стояли на улице за оградой, и вид у них был самый несчастный.

У Пелле Маленького рот был, как всегда, вымазан желтком, потому что на завтрак он ел неизменное яйцо всмятку. А у Маттиаса волосы непослушно торчали в разные стороны, потому что мама с утра пораньше вымыла ему голову. В общем, день был испорчен. Немудрено, что вид у Маттиаса был хмурый.

— Лучше, когда мамы ходят на работу! — мрачно изрек Пелле. — Тогда они не мылят с утра детям голову.

— Да, но моя мама должна сидеть дома и нянчить Филиппу, ведь она еще совсем маленькая, — сказал Маттиас.

— Брось-ка ты эту Филиппу в мусорное ведро! — посоветовал Пелле. — Она только и делает, что целыми днями кричит да пищит!

Маттиас хихикнул. До чего же смешно сказал Пелле про мусорное ведро. Только ни в какое ведро он сестренку не выбросит, ни за что! Ведь он любит ее, когда она смеется! И даже когда плачет — тоже!

— По мне, так хватит и канарейки! — решительно заявил Пелле и начал насвистывать.

Тут Маттиас не нашелся что ответить — ведь канарейки у него никогда не было! Даже никакой самой маленькой-премаленькой букашки не было!

Школьный двор опустел, потому что дети вошли в здание школы и, видно, праздник начался.

Скоро из окон школы раздалось пение. Маттиас и Пелле Маленький, сидевшие по другую сторону железной ограды, даже разобрали слова.

— Пора цветенья настает... — выводили стройные голоса.

Потом пели другие песни с мудреными словами.

- Хорошо поют! — вздохнул Маттиас.
- Ничего! — рассеянно ответил Пелле. Он в это время охотился за муравьем. Наконец муравей попался, и Пелле стал заворачивать его в маленький зеленый листок.
- Смотри не раздави! — предостерег Маттиас.
- Еще чего! Я его не туго пеленаю, не видишь, что ли!

Но как Пелле ни старался, муравей непременно откуда-нибудь да выскальзывал. Наконец Пелле не выдержал и швырнул муравья вместе с листиком на землю.

- Это просто ужас! Сколько можно петь песен! — заворчал он. — Если Пончик сейчас же не появится, я уйду!
- Подождем еще десять минут! — попросил Маттиас.

Они немного посидели, повздыхали, и Пелле, нетерпеливо глядя на Маттиаса, заявил:

- Десять минут прошло!
- Нет, только семь! — возразил Маттиас.
- Что ты болтаешь! Ты ведь не знаешь часов! — заспорил Пелле, бросив взгляд на школьные часы.
- Будто ты их знаешь! — не сдавался Маттиас.

Пелле притворился, что не слышит, и мечтательно устремил свой взор вдаль.

- Сделай так, господи, чтобы мне упало с неба мороженое, большущее-пребольшущее, — неожиданно произнес он громким голосом.

Маттиас так и уставился на него. Кто его знает, с этим Пелле Маленьким всякое может случиться!

Но на этот раз ничего не случилось. С неба не упало даже самое маленькое-премаленькое мороженое.
— Так я и знал! — вздохнул Пелле и сердито посмотрел вверх, на голубевшее сквозь просветы в листве небо.

Тут раздался пронзительно громкий звон колокола, двери распахнулись и толпа детей хлынула на школьный двор.

— Наконец-то! — обрадовался Пелле. — Но где же Пончик? Ты его не видишь?

— Нет! — Маттиас никак не мог обнаружить Пончика, потому что двор был битком набит детьми разных возрастов.

— Но ведь Пончик такой толстый, что его трудно не заметить! — заорал Пелле и стал пробираться, словно лис, вдоль ограды.

Прошло довольно много времени, прежде чем Пончик наконец вышел из дверей школы.

Маттиас и Пелле изо всех сил замахали ему руками, но Пончик, будто не видя этого, шел им навстречу важно и не спеша.

— Скучно было? — спросил Пелле, подскочив так близко к Пончику, что тот даже отступил на шаг.

— Наоборот, весело! — ответил он и, краснея, добавил: — Я прочитал стихотворение.

— Хм! Хм! — недовольно хмыкнул Пелле.

Но Маттиасу очень хотелось послушать Пончика, потому что он и сам иногда сочинял стихи.

Стихотворение Пончика оказалось длинным предлинным. Оно занимало в книжке для чтения несколько страниц и называлось «Большой палец рукавицы». А начиналось стихотворение с того, что какой-то старичок пошел к портному со своей материей, из которой надо было сшить костюм. Материи был целый рулон, но когда через несколько дней старичок пришел примерить костюм, портной сказал, что материи хватает только на пиджак. Старичок очень удивился, но согласился на пиджак. А когда он в следующий раз явился на примерку, портной заявил, что и пиджак не получится. Получится всего-навсего один рукав. Когда же старичок пришел за рукавом, портной сознался, что и рукав не получился. Получилась лишь рукавица. Ну а под конец, когда старичок явился за рукавицей, портной сказал, что, к сожалению, даже рукавица не получилась.

— «Рукавица не получилась! Получился лишь большой палец от рукавицы!» — неестественно громким раскатистым голосом продекламировал Пончик.

Маттиасу было ужасно жалко старичка, которому вместо костюма достался лишь большой палец рукавицы, но Пелле думал иначе.

— Сам виноват! — безжалостно отрезал он. — Раз такой глупый, что без конца ходит к портному, который ворует материю.

Маттиасу хотелось заняться чем-нибудь интересным.

— Придумаем что-нибудь? — спросил он.

— Я-то пойду домой! — сразу отказался Пончик.

— Давай, Маттиас, пойдем в парк Ванадислюнден, — предложил Пелле.

Так они и сделали.

В парке было очень красиво и тихо; шум с улицы Нортульсгатан едва сюда доносился — если только прислушаться.

— Давай искать клады, — предложил Маттиас.

Но Пелле Маленькому смертельно надоели все эти клады! Только у него одного было не меньше ста кладов в парке Ванадислюнден. Так на что ему еще?!

Нет, Пелле задумал кое-что поинтересней!

Они построят загон для улиток!

Потому что у дяди Пелле Маленького — у того, который жил в Сундбюберге, — был загон для улиток. И там паслись целых двадцать пять улиток!

— А сколько лет этому твоему дяде? — осторожно полюбопытствовал Маттиас.

— Семь, скоро восемь! — пропел, прыгая на одной ножке, Пелле. — Он младший брат моей мамы. Но, ясное дело, я зову его не дядей, а просто Рулле — это у него такое имя.

Не теряя времени, Маттиас и Пелле тут же приступили к делу.

Они построили маленький четырехугольник из камней, что-то вроде загона, а внутри отгородили колышками маленькие отсеки. Выход из загона преграждал плоский камешек, служивший воротами. Рядом с воротами мальчики соорудили маленький домик, а вместо двери поставили пивную бутылку. Здесь должны были жить пятнистые улитки.

Под конец из длинных колышков Маттиас возвел вокруг всех строений настоящий частокол.

Не хватало только улиток.

— А я знаю, где живут улитки! — заорал Пелле. — На другом конце парка, у подножья горы.

Они помчались туда и стали ползать по траве в поисках улиток.

Через десять секунд Маттиас издал такой громкий вопль, что его, должно быть, услышали даже на улице Ванадисвеген.

— Нашел! Нашел! Смотри! — ликовал он и вне себя от радости подбросил улитку в воздух.

Но Пелле Маленький и бровью не повел, потому что он тоже нашел улитку, с рожками и со всем-всем, что полагается.

Под большим кустом мальчики отыскивали еще семь улиток. Теперь у них стало девять улиток, и с такой коллекцией (а больше в руках все равно было не унести) они отправились к своему загону.

Маттиас держал своих на всякий случай в их собственных домиках. А Пелле Маленький позволял им делать все, что они хотят, ему даже нравилось, что улитки ползают у него по рукам и щекочут ему ладони.

Красивое жилище не очень, кажется, понравилось улиткам. Испуганные, забивались они каждая в свой домик. И прошло немало времени, прежде чем они снова высунули оттуда рожки.

— Теперь небось улитки радуются! — сказал Пелле. — Здесь им никакие белки не страшны!

— А разве белки едят улиток? — удивился Маттиас. Такого ему слышать не приходилось.

— Они съедают не меньше десяти улиток в день! — веско ответил Пелле. — Если бы мы не выстроили городок для наших улиток, белки съели бы их уже

завтра. Одни домики бы остались, потому что домики застревают у белок в зубах.

Маттиас поместил улиток рядами, по одной в каждый отсек. А Пелле насыпал им мелких голубых цветочков, чтобы они могли утолить голод.

Потом вдруг Маттиас обнаружил на дне своего кармана монетку в двадцать пять эре, и они тут же побежали к киоску и купили коробочку с лакричными пастилками. Когда же они вернулись, две улитки уже вползли на стенку дома, а одна ползла следом за ними.

— Э нет, марш в свой отсек! — строго скомандовал Пелле и загнал улиток на место. — А не то прискачет белка и вас съест!

— Что случилось с этой улиткой? — спросил Маттиас. — Смотри, она лежит и пускает пузыри.

Пелле долго и пристально смотрел на улитку.

— Она больна! — уверенно заявил он. — Надо построить больницу.

Рядом с маленьким домиком, где они собирались поселить пятнистых улиток, дети тотчас начали строить из мелких камешков больницу. Когда больница была готова, они положили туда улитку, пускавшую пузыри.

— Те улитки, которые начнут пускать пузыри, будут немедленно отправлены в больницу! — распорядился

Пелле. Он сам как-то лежал в больнице и знал, как это делается.

Пока они строили больницу, две самые непослушные снова влезли на стенку дома.

— Переселим их в бокс, — предложил Маттиас.

Так они и сделали.

Улитка, которая лежала в больнице, по-прежнему пускала пузыри.

— Бедняжка. Ей, наверно, ужасно плохо, — пожалел улитку Пелле. — Может, у нее оспа? Если ей не станет лучше, придется дать ей лекарство.

Тут Маттиас почувствовал, что ему уже пора домой. Каждый раз, когда он задерживался, мама начинала волноваться.

— Сначала надо положить всех улиток в отсеки и покормить, — сказал Пелле.

Наконец все улитки водворены на места и можно идти домой. Но прежде Пелле Маленький пригрозил улиткам: — Мы скоро вернемся! Не вздумайте удирать!

ПАСТОР, МАЙИ И ПРОЧИЕ

Как только Пончик услышал о городке для улиток, он тотчас забыл про школу и про все праздники по случаю окончания учебного года. Вместе с Маттиасом и Пелле Маленьким он отправился в парк Ванадис-люнден.

— Какой красивый городок! — всплеснул своими толстыми руками Пончик. — Можно мне поиграть с вами?

— Можно ему поиграть с нами? — спросил Пелле Маленький у Маттиаса.

— Да, только пусть принесет еще улиток! — распорядился Маттиас.

Пончик тотчас отправился на поиски, а Маттиас и Пелле снова положили всех улиток в их домики, потому что те уже влезли на стенки, собираясь удрать. Даже улитка, пускавшая пузыри, отползла довольно далеко от больницы.

— Ты забыла, что болеешь? — строго напомнил Пелле Маленький. — Хочешь, чтобы мы заразились от тебя и у нас была высокая температура?

Стены городка чуть обвалились, когда улитки вползали на них, так что пришлось их чинить.

Только дети закончили работу, как примчался Пончик. Он запыхался от быстрого бега, и щеки его пылали.

— Пять штук, — тяжело дыша, сказал он и, сияя от радости, развернул свой носовой платок. Там лежали улитки. Ведь Пончик был величайший чистюля и не мог брать улиток руками.

— Молодец! — одобрительно кивнули Маттиас и Пелле. Улитки были очень хорошие. Одна была большущая,

в толстой бурой раковине. Такой бурой у них еще не было.

— Эта бурая лучше всех, — похвалил Маттиас, и Пончик опять просиял.

— Ну, что теперь станем делать? — поинтересовался Пелле, когда они положили улиток Пончика в загон.

— Дадим им имена, ясное дело! — предложил Пончик.

— Здорово! И как мы раньше об этом не подумали! — закричали Маттиас и Пелле.

— Но ведь они все одинаковые. Только бурая непохожа на других, — засомневался Маттиас.

Пелле уселся на траву и серьезно задумался. Через несколько секунд он воскликнул:

— Придумал! Напишем имена на их домиках!

— Верно! Верно! А я сбегая за ручкой! — закричал, подпрыгивая от восторга, Пончик.

Пелле и Маттиас отправились вместе с ним — чтобы он не забыл захватить ручку.

Ручка у Пончика хранилась в верхнем ящике письменного стола в маленьком пенале. Маттиасу и Пелле очень хотелось поиграть этим пеналом,

пощелкать его выдвижной крышкой, но улитки могли расползтись, и мальчики снова бросились в парк Ванадислюнден.

— Одну надо назвать Аугуста! — предложил Маттиас.

И Пончик отчетливо выписал на домике улитки имя: «Аугуста».

— А одну пусть зовут Астрид! — сказал Пелле.

Пончик так старательно и красиво выводил буквы, что у него заболела рука.

Еще одну улитку называли Карин, одну — Лотта. А еще двух — Майя, потому что и Пелле, и Маттиас считали это имя очень красивым.

— Тогда я напишу «Майя» у одной сзади, а у другой спереди! — решил Пончик. — А иначе мы не будем знать, кто есть кто.

— Чур, моя та, у которой «Майя» сзади! — закричал Пелле Маленький.

— А я возьму ту, у которой «Майя» спереди! Она красивее! — сказал Маттиас.

Одну улитку называли Анна, потому что у Пончика в классе была девочка по имени Анна. Других улиток

назвали первыми попавшимися именами, которые пришли в голову.

Наконец осталась одна-единственная большая бурая улитка.

— А что, если назвать ее Пастор? — предложил Маттиас.

И Пончику, и Пелле Маленькому предложение это очень понравилось. Улитка была ну просто вылитый пастор.

— Надо построить рядом с больницей церковь! — вскричал Пелле.

— Верно! Верно! — От восторга Маттиас даже стал кататься по траве.

Для постройки церкви нужны были осколки стекла. Маттиас видел церковь у бабушки в Карлстаде, и она была почти вся из стекла, с большими — от пола до самого потолка — окнами.

В парке осколков стекла было хоть завались! И зеленых, и коричневых, и даже несколько голубых. Но на целую церковь их все равно не хватило. И Пончик предложил низ церкви построить из обычных камней, а верх — из осколков стекла. Вместо двери они опять поставили бутылку: Пелле считал, что пивные бутылки как нельзя лучше подходят для этой цели.

Оставалось только положить в церковь Пастора — и дело сделано!

Пончик, Маттиас и Пелле уселись на траве и затянули псалом — ведь Пастор был всего-навсего улитка и петь не умел. Вообще-то Пелле и Маттиас тоже не умели петь, но они очень старались и распевали так громко, что их было слышно далеко вокруг.

Потом они чуточку отодвинули пивную бутылку и поглядели на Пастора. Улитка лежала почти на том же самом месте, где ее оставили. Только она пускала пузыри! Они были такие большие, что окутывали ее маленьким белым облачком.

— А ну, в больницу, живо! — завопил Пелле. — А иначе умрешь!

Маттиас тут же переселил Пастора в больницу. Пусть лежит рядом с другими улитками, которые пускают пузыри!

— Раз они больны, их надо покормить, — сказал Маттиас и поднялся, чтобы поискать еды.

— Разорви одуванчик на мелкие-мелкие кусочки и дай им, — посоветовал Пелле. — Но помни, больным улиткам никаких голубых цветков. Иначе они тут же умрут!

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Пончик.

— Знаю, и все! — отрезал Пелле. И больше они это не обсуждали.

Маттиас крошил одуванчики на мелкие-мелкие кусочки и высыпал на пол в больнице. Но Пастор сразу же втянул рожки и стал еще сильнее пускать пузыри. Другая же больная улитка пускала пузыри совсем в другую сторону и вообще ничего не видела.

Пока Пелле и Маттиас возились с Пастором, две улитки ухитрились удрать из городка. Пончик увидел

их уже у частокола и с громким криком водворил беглянок на место. К несчастью, еще одна из улиток, у которой имя «Майя» было написано спереди, принялась пускать пузыри. Пришлось и ее положить в больницу, где и без того уже было тесно.

Дети не заметили, как пролетело время.

Солнце начало садиться, становилось прохладней. Пончик посмотрел на часы.

— Уже шесть часов. Мне пора домой, ужинать!

— И мне! — вспомнил Маттиас.

— А мне еще рано, но я тоже пойду с вами, — поднимаясь с корточек, сказал Пелле Маленький. Его

мама приходила с работы не раньше семи, и Пелле возвращался домой к этому времени — до тех пор кормить его было некому.

— Сначала положим Пастора обратно в церковь! — сказал Пончик. — Он почти выздоровел.

Бурую улитку переселили в ее стеклянное жилище и загородили вход пивной бутылкой, чтобы она не удрала. Прежде чем уйти, проверили всех остальных улиток.

— Завтра рано утром придем и посмотрим, — сказал Маттиас. — Привет!

ДИКАЯ СОБАКА В НОРТУЛЕ

На другой день рано утром Маттиас и Пелле Маленький помчались в парк Ванадислюнден взглянуть на улиток. — Все разбежались! — еще издали испуганно закричал Пелле Маленький, подбегая к улитковому городку.

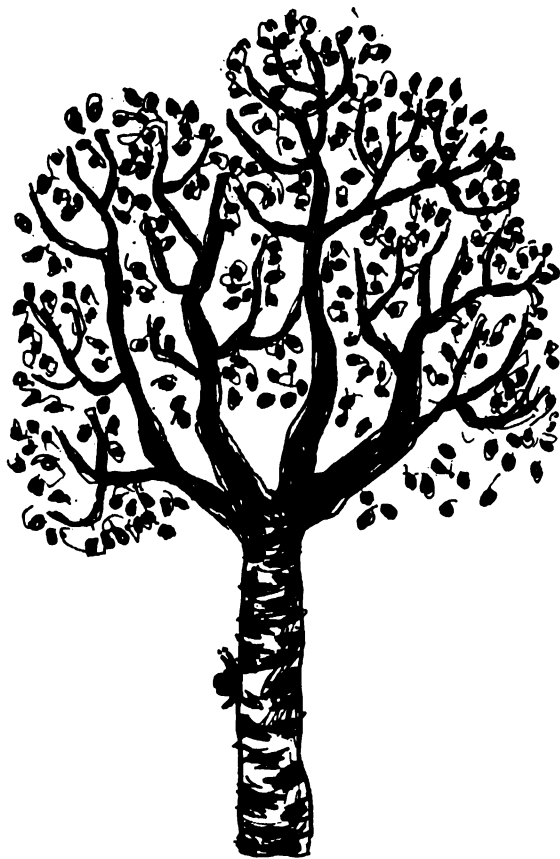
На самом же деле все обстояло не так уж худо. В загоне еще оставались Астрид и Аугуста, а возле самого частокола нашлись обе Майи и Анна.

Но Пастор? Где же Пастор?

Пастор бесследно исчез. Мальчики искали и в церкви, и в доме, и в больнице, а Пелле ползал по траве и осматривал каждый листочек. Однако все напрасно — Пастора не было.

— Как это он ухитрился убежать так далеко? — удивлялся Пелле.

Но тут Маттиас издал дикий крик. Он отыскал Пастора на высокой березе! Выставив рожки, тот довольно быстро для улитки удирал вверх по стволу! — Кажется, он хочет взобраться на небо! — сказал Маттиас.

— Э нет, в церковь его! — резко скомандовал Пелле и водворил Пастора в церковь.

Потом они накормили улиток голубыми цветочками и починили церковь, которая с одного боку обвалилась. Удивительно, но ни одна из улиток не пускала больше пузыри, и больница опустела.

— Интересно, где же Пончик? — удивился Маттиас. — Ведь ему вчера так понравилось строить городок!

Пелле думал как раз об этом же.

— Наверно, он сидит дома и вспоминает про свою школу, — недовольно протянул он.

Но все время заниматься одним и тем же скучно, и в конце концов улитки мальчикам порядком надоели.

— Пойдем поищем Пончика! — позвал Маттиас.

Им долго не открывали. Может, и дома-то никого нет? Но вот послышалось шарканье войлочных туфель, и дверь настежь отворилась.

— Я больной! — просипел Пончик, красный, как из бани. — Не входите! Я заразный!

— Подхватил чуму? — вытаращил на него глаза Пелле Маленький.

— Балда! Чуму так сразу не подхватишь! — сказал Пончик. — Я просто заболел, понятно? У меня высокая температура, может быть, я заразный.

Маттиас и Пелле с восхищением и завистью посмотрели на Пончика.

— У меня была колоссальная свинка, когда я жил у бабушки, — попытался было похвастаться Маттиас.

— Подумаешь, свинка! — огрызнулся Пончик. — Свинка бывает только у малышей. У меня, наверное, что-нибудь похуже! — и стал закрывать дверь, сказав,

что они увидятся на другой день, когда ему станет лучше.

— Если мне вообще когда-нибудь станет лучше! — добавил он, поджав свои толстые губы.

Маттиас очень зауважал Пончика. Подумать только, какая страшная болезнь! Но Пелле стал подшучивать над болезнью Пончика и сказал, что он наверняка придуривается.

- Ведь Пончик такой нюня, — фыркнул Пелле.
- Ну, что теперь будем делать? — вздохнул Маттиас, когда они снова очутились на тротуаре.
- Можно поискать пустые консервные банки, — предложил Пелле.
- Консервные банки я не собираю уже давным-давно! — пренебрежительно ответил Маттиас.
- Тогда, может, квитанции?
- Скажешь тоже, квитанции! У меня дома их сто пятьдесят тысяч штук.
- Но все-таки ты что-нибудь да собираешь? — не унимался Пелле.
- Представь себе, собираю! Собираю зубы! Но на улицах они не валяются!
- Не валяются? — Пелле даже подбоченился. — А как же я нашел целую кучу зубов на улице Фрейгатан?
- Правда? — не поверил Маттиас.
- Пойдем ко мне домой, сам увидишь!
- Пелле не лгал. В глубине верхнего ящика комода лежали зубы. Они были совсем как настоящие!
- Они называются вставные, — с видом знатока объяснил Маттиас. — У моей бабушки, папиной мамы, такие же. Она каждый вечер вынимает их и чистит щеткой.
- Может, примерим? — спросил Пелле.

— Нет, — поморщился Маттиас.

Вволю наглядевшись на вставные зубы, они вышли из дому и стали бродить по улицам. Но зубов больше не попадалось.

Усевшись на низенький забор на улице Нортульсгатан, они уныло поглядывали по сторонам. — Если не случится ничего веселого, этому дню конца не будет! Такие скучные дни никогда не кончаются! — вздохнул Пелле.

— Но потом они все же когда-нибудь кончаются? — решил уточнить Маттиас.

— Такие дни — никогда!

— А я знаю, что нам делать! — воскликнул Маттиас. — Пойдем в Нортуль — играть в индейцев.

Один раз они уже играли в индейцев, и им было ужасно весело, потому что Пелле заблудился среди деревьев и его чуть не съели дикие собаки.

— Ой, какие там собаки! — сразу вспомнил Пелле, и глаза его загорелись от восторга. — Под каждым деревом лежали дикие собаки. А самые дикие сидели на макушках деревьев и так и тряслись. Ух, до чего они были страшные!

— А мне не везло, — разочарованно сказал Маттиас. — Я видел только одну таксу под сосной и ни одной дикой собаки!

— Потому что ты не заблудился! — с чувством превосходства возразил ему Пелле. — Вот когда заблудишься, дикие собаки так и бродят вокруг, так и бродят.

— Если уж играть в индейцев, то надо переодеться, иначе неинтересно! — сказал Маттиас.

— Я надену мамины шорты, и ты тоже возьми шорты у своей мамы. Как тогда! — напомнил Пелле. — Еще надо не забыть приставные носы и перья!

— И ружья! — вспомнил Маттиас.

Они побежали домой.

Надо сказать, им здорово повезло. Обе мамы ушли за покупками. Иначе не видать бы им никаких шорт!

Первым появился на тротуаре Пелле, очень нарядный, в маминых новых шортах красивого синего цвета. Она купила их вместо старых коричневых, которые Пелле Маленький разодрал в прошлый раз, когда они играли в индейцев. Маттиас в стареньких маминых шортах выглядел скромнее.

Они шагали в ногу по улице Нортульсгатан с ружьями за спиной, а на головах у них развевались перья. — Раз-два, раз-два! — Они прошагали под виадуком, мимо домика садовника, мимо его буренок, а от изгороди до леса было уже рукой подать.

Пелле вообще-то побаивался леса, но играть в индейцев там все же веселее, чем в городе!

Перво-наперво они нацепили приставные носы, сняли свои ружья и с ходу начали палить из них — в деревья, в пни и в камни. При этом они издавали дикие вопли и прыгали как сумасшедшие, воображая, будто скачут так, что в ушах ветер свистит, а в лесах треск стоит!

От такой бешеной скачки они, понятно, скоро устали. Пелле решил, что не мешает влезть на дерево и поглядеть, нет ли где диких собак. Они оба взобрались на кривую сосенку и долго и внимательно оглядывали окрестности. Однако никаких диких собак не обнаружили — стояла тишина и не было видно ни души.

— Давай тогда поиграем в другую игру — кто кого перехочет, — предложил Пелле и прыгнул с сосенки.

— Ха-ха-ха! — захохотал он и повалился на мшистую землю под деревом. Но тут же замолчал, а немного погодя сказал:

— Маттиас, до чего здорово здесь валяться! Попробуй, как мягко.

Маттиас растянулся рядом с Пелле Маленьким и тоже захохотал. Он хохотал долго и старательно, но от этого ему веселее не стало.

От этого, оказывается, может заболеть горло. И даже можно охрипнуть.

Вдруг, откуда ни возьмись, на них налетела собачонка, маленькая, рыжая. Она заливалась громким лаем и так и норовила куснуть ботинки Пелле Маленького. — Ой, уберите собаку! — завопил Пелле. — Убирайся прочь! Прочь! С глаз долой! — и с завидной быстротой он взобрался снова на кривую сосенку.

Как это ни странно, но Пелле боялся собак. И больших, и маленьких, и белых, и черных, и рыжих. Он боялся даже злых кошек.

— Да не бойся! Чего ее бояться! Она же совсем маленькая! — успокаивал его Маттиас.

Но на всякий случай сам тоже поскорее вскарабкался на ту же кривую сосенку.

— Разве ты не видишь, что эта собака дикая? Глаза-то у нее зеленые-презеленые! — весь дрожа, прошипел Пелле.

— Гав! — твякнула собачонка и завиляла хвостиком. Она еще немного попрыгала под деревом и отбежала.

Тогда Маттиас осмелился спуститься вниз, и собачонка, словно ракета, тут же помчалась прямо к нему. — Стреляй в нее, стреляй, балда! — орал с макушки сосны Пелле.

Но Маттиас не боялся маленьких рыжих собачонок. И когда она пробежала мимо, он успел погладить ее по голове.

Собачонка обрадовалась, будто только этого и ждала. Она разбежалась и со всех ног помчалась обратно, и Маттиас опять погладил ее, на этот раз по спине. — Пали! — выходил из себя Пелле. — Пали в нее из ружья!

А собачонке, судя по всему, понравился Маттиас. Ей явно хотелось с ним поиграть. Стоило Маттиасу сделать несколько шагов, как она немножко отбегала, оглядываясь, словно предлагала бежать наперегонки.

Ну и потеха получилась! Маттиас уже мчался во весь опор, а собака — от него. И оба лаяли во всю мочь!

Вскоре они скрылись в лесу, а на макушке сосны остался сидеть Пелле. На лице у него была обида.

— Вот балда! Не хватало еще, чтоб собака его съела! — бормотал он, слезая с дерева.

Так они и мчались во весь дух; собачонка не помнила себя от радости. Всякий раз, когда Маттиас ее догонял, собачонка высоко подпрыгивала, чтобы лизнуть его в лицо.

Вскоре Маттиас заметил, что они бегут в гору: и он, и собачонка страшно запыхались. Они взбирались все выше и выше, и вот уже они смотрят с вершины горы вниз.

Далеко-далеко внизу, совсем крошечной точкой, стоял под деревом Пелле и кричал:

— Маттиас, Маттиас, иди сюда!

Но тут собачонка, высоко подпрыгнув, сорвала с лица Маттиаса приставной нос и быстро помчалась вниз с горы.

Маттиас за ней!

Но вскоре он потерял ее из виду и когда наконец сбежал вниз, увидел лишь качающееся дерево, а на самой его макушке сжавшегося в комок Пелле Маленького.

— Эта паршивая собачонка мчалась прямо на меня! — вопил Пелле. — А в зубах она держала твой приставной нос!

— Куда она побежала?

— Она исчезла! Плюп — и нету!

— Слезай и помоги мне найти нос, — попросил Маттиас.

Пелле, путаясь в одежде, сполз вниз. Но что случилось с новыми красивыми шортами его мамы! Они были сплошь в дырах и смоле.

— Твоя мама очень расстроится, — предупредил его Маттиас. — Они были такие синие и красивые!

Пелле сам понимал, что шорты безнадежно испорчены. Ему очень хотелось поскорее снять с себя эти злополучные шорты и забыть о них, как будто ничего и не было.

— Я закопаю их в лесу, — решил он и стал стаскивать с себя шорты.

— А разве можно закапывать шорты? — удивился Маттиас.

— Ясное дело, можно. Пара пустяков! — сказал Пелле.

Маттиас то и дело звал собачонку: ему хотелось вернуть приставной нос.

Но собаки и след простыл.

Пелле стал искать яму или какую-нибудь нору, чтобы спрятать шорты. То, что от них осталось, он нес на одном мизинце, далеко отведя руку в сторону, словно боялся к ним прикасаться.

В лесу попадаетесь немало ям, но тут надо было найти по-настоящему большую и глубокую.

— В первый раз вижу, чтобы собачонка вот так исчезла, — сердился Маттиас.

— Она, наверно, убежала домой. Может, она была голодная, — предположил Пелле. Он раскачивал камни и без конца пробовал ногами ямы: подходят ли они для маминых шорт.

Вдруг нога его соскользнула с поросшей травой кочки и глубоко провалилась.

— Вот это яма так яма! Здесь я их и спрячу! — удовлетворенно произнес Пелле, вытаскивая ногу.

Но только он собрался бросить шорты в яму, как что-то увидел там среди травы.

— Что бы это могло быть? — спросил он, просовывая в яму руку.

И тут случилось чудо, какого с ними никогда — ни прежде, ни потом — не случалось! Когда Пелле снова вытащил руку, на его большом пальце

покачивался — что бы вы думали? — приставной нос Маттиаса!

Оба они вскрикнули от удивления, а Маттиас даже чуточку испугался.

— Как ты думаешь, кто это мог положить его сюда? — прошептал он.

— Ясное дело, собачонка! Кто же еще! Балда ты этакий! — сказал Пелле.

Они расхохотались. А потом Пелле сунул в яму мамины шорты и засыпал их землей и дерном. Маттиас же снова нацепил свой приставной нос.

И они пошли домой.

Пелле Маленький ни слова не сказал маме про шорты.

«Подожду до зимы», — решил он. Потому что он не в силах был разговаривать с рассерженной мамой после такого сумасшедшего дня со всеми этими дикими собаками из Нортуля.

ПРО КОРЬ ПОНЧИКА И ПРО ТРОЛЛЯ ПЕЛЛЕ БОЛЬШОГО

На другое утро Маттиас и Пелле Маленький опять были у дверей Пончика, и на этот раз им открыла его мама.

— Пончик к вам не выйдет, у него корь, — сообщила она. — И вам лучше не входить, чтобы не заразиться.

Но Пелле и Маттиас заявили, что им можно войти в квартиру, потому что они давным-давно переболели корью, когда еще были совсем маленькими.

Дверь в комнату Пончика была полуоткрыта, но на ручке двери висела табличка с надписью: «Просьба стучать». Однако это было писано не для наших друзей — ведь ни Пелле, ни Маттиас читать хорошенько не умели и без всякого стука вошли в комнату.

Пончик лежал в полутьме — шторы на окне были спущены.

— Давай поднимем штору, пусть хоть на улицу поглядит! — распорядился Пелле.

Но Пончик не желал глядеть на улицу. Ему как раз хотелось, чтобы была полутьма и можно было дремать, потому что у него был жар и от этого он сильно устал.

— Как там Пастор? — слабым голосом спросил он.

— Сейчас пойдем посмотрим. Вчера, когда мы пришли, он сидел на дереве, — стал рассказывать Маттиас.

— Надо же заболеть как раз, когда мы завели улиток, — вздохнул Пончик.

— Мы сходим в городок для улиток, а после опять поднимемся к тебе и крикнем через дверь, в щелку для писем, сидит ли Пастор в каком-нибудь домике.

— И еще придем к тебе в другой день — когда ты поднимешь шторы.

В парке Ванадислюнден было тихо и спокойно, так как время было раннее. Улитки сидели тут и там в траве, и в большом доме оставалась одна Аугуста. Пелле и Маттиас быстро собрали всех улиток и отнесли их в городок. Одну пришлось положить в больницу, потому что она не желала вылезать из своего домика.

Пастор, ясное дело, исчез! И, наверное, уполз еще дальше, чем вчера. Его не было даже ни на одном из деревьев.

— Пастора надо обязательно найти! — заявил Маттиас. — Где мы возьмем другого, такого же большого и бурого?

Искали долго-долго. А нашел его этот счастливчик Пелле. Он поднял коробочку, в которой когда-то были таблетки, и стал трясти ее над ухом, чтобы послушать, не осталось ли там еще таблеток. И в ту же минуту увидел Пастора. Он сидел на том самом месте, где только что лежала коробочка, и вид у него был очень виноватый. Хитрюга Пастор спрятался на этот раз под коробочкой!

Пелле Маленький быстренько водворил Пастора в церковь и старательно прикрыл за ним дверь — пивную бутылку. Не успел он покончить с этим делом, как и Маттиас был тут как тут, да не один, а с Пелле Большим. Он увидел дядю Пелле Маленького на скамейке под деревом, а так как Пелле Большой — самый хороший дядя, то Маттиас позвал его с собой.

Но Пелле Большой был сегодня не очень-то весел. У него разбился мопед и стоял теперь брошенный на Свеавеген.

— Ну а как твоя невеста? — с кисло-сладкой миной спросил Пелле Маленький.

— Не говори о ней, не то у меня начнется приступ аппендицита, — сказал Пелле Большой, и глаза его потемнели.

— Ты был куда веселее, пока у тебя не появилась невеста, — съехидничал Пелле Маленький. — Теперь у тебя все время кислый вид.

Пелле Большой виновато вздохнул и почесал затылок:

— Разве женщин поймешь!

— Тогда не обращай на них внимания! — сурово произнес Пелле Маленький.

Городком для улиток Пелле Большой не очень заинтересовался. Сам он улиток никогда не заводил и потому не мог знать, до чего это увлекательно.

Пелле Маленький и Маттиас засобирались уходить из парка.

— Можно мне с вами, ребята? — спросил Пелле Большой. — Делать мне, собственно говоря, нечего. — Ладно, только чур, не болтать чепуху о всяких там невестах! — предупредил Пелле Маленький.

Вскоре они были уже у дома Пончика, Маттиас быстро взбежал по лестнице и закричал в щелку для писем:

— Сначала мы не могли найти Пастора, а потом нашли! Он лежал под старой коробочкой. Привет!
— Привет! — пискнул из темноты Пончик, но Маттиас уже спускался по лестнице.

Пелле Большой, Пелле Маленький и Маттиас медленно шли, засунув руки в карманы. Они никуда не торопились, Пелле Большой насвистывал себе под нос и провожал глазами все проезжавшие мимо мопеды.

Вскоре они пришли во двор дома, где жили Маттиас и Пелле Маленький, и уселись на скамейку, где обычно выбивали ковры. Там лежало большое цветастое одеяло, так что сидеть было особенно мягко и приятно.

— Ну, Пелле Маленький, много ведьм живет в вашем доме? — поинтересовался Пелле Большой.

— Мда-да! — протянул Пелле Маленький. — Их жило немало, пока мы сюда не переехали. А потом они быстренько убрались.

— Тебя, ясное дело, испугались! — рассмеялся Пелле Большой.

Пелле Маленький потянулся.

— Я сказал им пару теплых слов.

Пелле Большой напустил на себя плутоватый вид.
— Тогда, значит, ты не видел тролля, который живет в подвале?

— Какого еще тролля? — чуточку побледнев, спросил Пелле Маленький. — Ты видел какого-нибудь тролля, Маттиас?

Маттиас отрицательно покачал головой. Может, он и слышал о нем когда-нибудь, но видеть не видел.

— Ага-а-а! — протянул Пелле Большой, зажигая свою трубку. — А я-то думал, все знают, что в вашем доме живет тролль. У него большая черная голова и маленькие черные ножки. Он лежит в темноте и пожирает дохлых крыс и прочую дрянь.

Глаза Пелле Маленького становились все больше и больше от страха, а Маттиас дрожал как на морозе, хотя они сидели на самом солнцепеке.

— А что он еще делает? — прошептал Маттиас.

— Он скрежещет зубами и мяукает как миллион кошек, — расписывал Пелле Большой.

Глаза Пелле Маленького светились, точно карманные фонарики.

— Ну, дальше, дальше! — попросил он осипшим голосом.

— Каждое воскресенье он купается в гигантской лохани, налитой до краев смолой, и плещется так, что брызги летят во все стороны!

Тут Маттиас недоверчиво засмеялся.

- Чепуха! Еще чего выдумашь!
- Ах, значит, я выдумываю! — прищурился Пелле Большой. — Тогда спуститесь в подвал, если не боитесь, и посмотрите сами!
- Это я-то боюсь спуститься в подвал? — надулся Пелле Маленький.
- Тогда пойдем!
- Я бы мог бегать в подвал взад-вперед каждый день, но сейчас мне надо идти по делам.
- Какие это у тебя дела, можно спросить?
- Но Пелле Маленький не хотел больше говорить об этом.
- Тогда пойдем с тобой! — обратился Пелле Большой к Маттиасу. — Ты-то уж наверняка не боишься!
- Я лучше останусь здесь, — тихо произнес Маттиас.
- Пелле Большой показал им язык.
- Трусишки! Трусишки!
- Тут Маттиас сжал зубы.
- Идем, Пелле Маленький! — позвал он.
- Крепко взявшись за руки, они следом за Пелле Большим стали спускаться по крутым ступенькам лестницы в подвал. Дверца с грохотом захлопнулась за ними. И стало совсем-совсем темно.
- Маттиас и Пелле Маленький на секунду замерли, привыкая к темноте.

— Пойдите немного, — приказал Пелле Большой, — а я пойду вперед и поищу тролля.

Они услышали, как Пелле Большой крадется по полу и открывает какие-то двери. Потом все стихло. — Пелле Большой, где ты? — закричал Пелле Маленький.

Никакого ответа, только эхо жутко отозвалось в стенах подвала.

— Пелле Большой, Пелле Большой, вернись!

— А нельзя ли где-нибудь включить свет? — прошептал Пелле Маленький.

Но как это сделать, они не знали.

— Пелле Большой, Пелле Большой!

Но Пелле Большой исчез бесследно.

— Бежим отсюда! — шепнул Пелле Маленький, железной хваткой вцепляясь в руку Маттиаса.

— Да, а где же дверь? — прошипел в ответ Маттиас.

Они пробирались ощупью вдоль стен в черном как уголь подвале, но дверь исчезла.

— Давай снова кричать! — предложил Пелле Маленький.

И они еще долго кричали изо всех сил.

Но Пелле Большой не отвечал, и когда они смолкли, наступила ужасающая тишина.

— Может, его схватил тролль? — прошептал Маттиас.

— Тише, я слышу что-то, — прошептал Пелле Маленький.

Тут они оба услышали какой-то чудной звук.

— Ох-о-о-о-о-о-о! — раздалось в подвале.

— Пелле Большой, это ты?

Никакого ответа.

Затем снова послышалось «ох-о-о-о-о-о-о» чуть громче, чем раньше. Они не смели пошевелиться, а Пелле Маленький закрыл на всякий случай глаза.

Некоторое время было тихо. Маттиас и Пелле Маленький молча стояли, прижавшись к стене, а колени Маттиаса так дрожали, что, казалось, было слышно на другом конце подвала.

— О-о-о-о-о-о-ох-о-о-о-о-о-о!..

Потом одна из дверей закрипела и узенький луч света озарил пол в самом темном углу.

В куче угля что-то зашевелилось. Потом над нею поднялась большая черная голова.

— Ох-о-о-о-о! — раздался такой громкий вопль, что Маттиас и Пелле Маленький оба отчаянно заревели.

— Помогите! Здесь тролль! Помогите! Помогите! Он нас съест! — кричали они и бестолково метались из стороны в сторону.

Тут тролль как расхохочется! В тот же миг в подвале стало совсем светло и они увидели Пелле

Большого. Он стоял посреди кучи угля, держась за живот, и хохотал так, что слезы текли у него по щекам.

— Вы думали, это в самом деле тролль?! Ха-ха-ха, я чуть с ума не сошел от смеха! — кричал Пелле

Большой, отшвыривая в сторону несколько старых мешков из-под угля, которые он нацепил, чтобы казаться пострашнее.

Маттиас и Пелле Маленький по-прежнему стояли, прижавшись к стене. Ноги у них подкашивались, лица были белые, как бумага.

— Нет, я все время думал, что это ты! — прерывающимся голосом прошептал Пелле Маленький.

— И я тоже! — отвечал Маттиас.

— Так я вам и поверил! — загремел Пелле Большой. — Утрите слезы, детки, и пошли чинить мопед!

Они гуськом выходили из погреба, и уже на лестнице Маттиас и Пелле Маленький вдруг принялись хихикать. А ступив на тротуар, они захохотали так, что повалились наземь. Маттиас барахтался внизу, Пелле Маленький — сверху, а Пелле Большой скакал вокруг них на одной ноге, размахивая руками. И все прохожие, наверно, думали, что он рехнулся.

Потом они поспешили к мопеду, и Пелле Большой взял на время гаечный ключ у папы Маттиаса. И после того как Пелле Большой завинтил несколько гаек и постучал молотком, мопед снова заработал, куда лучше прежнего.

Тогда Пелле Большой вскочил на него и укатил прочь.

— Привет твоей старушке-невесте! — закричал, размахивая ключом, Пелле Маленький.

— Привет вашему старичку-троллю! — заорал, поворачивая за угол, Пелле Большой.

В АМИРКУ

Корь у Пончика все не проходила.

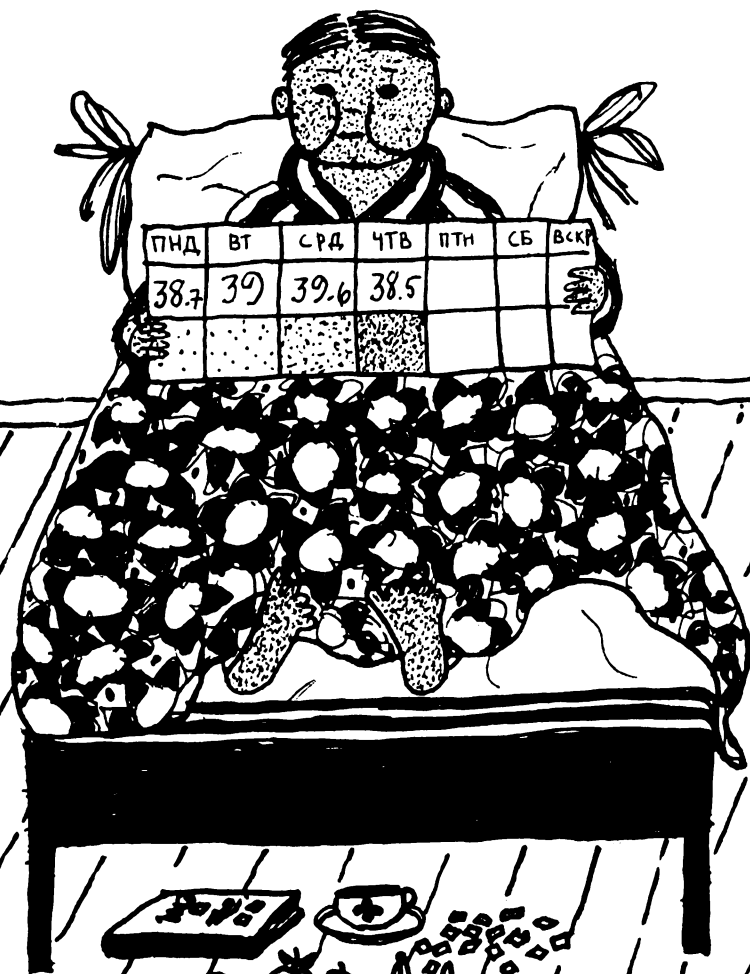
Однажды солнечным утром Маттиас решил опять навестить Пончика и отнести ему журнал с комиксами про Дональда Дака, который он уже смятым нашел у киоска.

Но у Пончика не было ни малейшего желания читать журнал. Это здоровому хочется смеяться над всякими забавными историями, а больному не до того. «Вот когда выздоровею, тогда охотно читаю», — сказал Пончик.

Маттиас не мог на него налюбоваться. Все тело Пончика было сплошь покрыто мелкой сыпью, прямо в глазах рябило.

— Если бы ты всегда был такой, — восторгался Маттиас, — ты бы мог разъезжать с цирком и зарабатывать кучу денег!

— Да, мало того, что я самый толстый, так еще весь покрыт сыпью! — подтвердил Пончик как будто даже с удовлетворением.

ПНД	ВТ	СРД	ЧТВ	ПТН	СБ	ВСКР
38.7	39	39.6	38.5			

— Вот погляди, что я сделал!

И Пончик достал большой лист бумаги.

С помощью линейки он расчертил весь лист вдоль и поперек, так что образовались мелкие клеточки. В каждой клеточке было что-то написано аккуратным почерком Пончика, а пониже строчек в каждой клеточке рассыпались мелкие и крупные точки.

— Это таблица кори! — объяснил Пончик озадаченному Маттиасу. — Здесь все обозначено: и какой сегодня день, и какая у меня температура. И еще я нарисовал, сколько у меня осталось сыпи. Вот, например, здесь написано «вторник». Это сегодня. А внизу — 38,5. Это какая у меня температура. А здесь я нарисовал, сколько у меня сыпи. — И Пончик указал на бесчисленное множество мелких точек. Их было столько, что в клеточке просто ни одной бы больше не поместилось.

— Да, сегодня ты примерно такой и есть, — подтвердил Маттиас.

Несмотря на болезнь, Пончик был довольно веселый. Мама накупила ему много-много всяких лакомств, потому что Пончик, как и Пелле Маленький, обожал сладости. А его папа вот уже несколько раз дарил ему почтовые марки. Пончик начал их собирать.

— Если хочешь, я принесу ненадолго Пастора, — предложил Маттиас.

— Нет, не надо, он сразу начнет пускать пузыри, — отказался Пончик.

Выйдя от Пончика на улицу, Маттиас сел на тротуар и стал ждать: не случится ли что-нибудь веселое.

Он просидел так довольно долго, но ничего веселого все равно не случилось.

Тогда он отправился по улице Нортульсгатан к пивоваренному заводу. На самом углу, там, где кончались дома, он столкнулся с Пелле Маленьким.

— Ты что здесь делаешь?

— Ищу кораблики! — ответил Пелле.

Маттиасу тоже захотелось поискать кораблики. Они пошли по дворам и стали рыться в грудах старых вещей. Скоро им попались обрубки дерева с торчащими из них большими гвоздями.

— Гвозди будут мачтами, — решил Пелле, — а трамвайные билеты — парусами.

— Ура!

И они заплясали от радости.

— Ну а где же взять озеро? — задал вопрос Маттиас.

— Детский бассейн-лягушатник, — пропел Пелле. — Лягушатник возле самой обсерватории.

Прихватив свои кораблики, они помчались туда со всех ног.

Вода в бассейне у обсерватории была прозрачная, она сверкала на солнце и чуть-чуть плескалась о берег.

Прежде чем спустить кораблики в воду, Пелле и Маттиас нанизали на мачты трамвайные билеты. — Вообще-то надо бы кого-нибудь посадить на кораблики, — предложил Маттиас. — Кошку или еще кого-нибудь.

— Можно принести улиток.

— Нет, улитки не умеют плавать, они тут же утонут, — с видом знатока заявил Маттиас.

— А я знаю, знаю! — заорал Пелле. — Принесем муравьев! Наверху у каменной стены есть муравейник.

— Ага, тогда сотни муравьев смогут поехать за один раз! — пришел в восторг Маттиас, и они побежали вверх, к каменной стене.

Муравейник оказался крошечным, величиной с тарелку, но муравьев здесь было вполне достаточно для двух маленьких корабликов.

Пришлось мальчикам побегать взад-вперед, чтобы перенести муравьев на кораблики. Пелле черпал их ржавой консервной банкой, которую нашел в бассейне.

Вскоре кораблики были битком набиты маленькими черными пассажирами. Все было готово, и кораблики могли отчаливать.

— Плывите в Амирку, динг-данг! — заорал Пелле, толкая свой кораблик.

Муравьи бегали взад-вперед, налезая друг на дружку, а некоторые взбирались на мачты и рассаживались на парусах, то есть на билетах.

Целая куча муравьев тут же свалилась в воду, так что вода вся покрылась мелкими точками.

Маттиасу и Пелле Маленькому удалось многих спасти, но некоторые все же утонули.

— Сами виноваты, — заявил Пелле. — Раз они такие глупые и не остались на корабликах.

Суденышки быстро понеслись в море.

— А где находится Амирка? — поинтересовался Маттиас.

— Как раз посредине, по другую сторону моря, нетопта, — ответил Пелле.

Снова многие муравьи свалились в море. Одних мальчики успели спасти, других — нет.

— Если приплывут крокодилы, скажи мне. Я убью их этой банкой! — И Пелле воинственно потряс консервной банкой.

— Вот плывет один! — закричал Маттиас.

И в самом деле: по воде плыл деревянный крокодил с двумя ветками и зелеными листьями на спине.

— Самый опасный в мире! — пробормотал Пелле.

И — бах! — как запустит консервной банкой в крокодила! Тот немедленно раскололся надвое, а зеленые листья свалились в воду.

Кораблики приблизились к противоположному берегу.

— Они уже в Амирке? — спросил Маттиас.

Пелле покачал головой.

— Нет, нет! Они ошиблись! Они вместо Амирки приплыли в Африку и Англию.

— Давай отпустим на берег несколько муравьев, тогда они смогут научиться болтать по-английски.

— А нескольких — в Африку, и там на них нападет лев! — с восторгом произнес Пелле.

Они подтянули кораблики к берегу и стряхнули с них нескольких муравьев.

— Англия пусть будет возле этого дерева, — сказал Маттиас. — Тогда Африка будет под корзинкой для бумаги!

— Выпускай льва! — закричал Пелле.

И тут откуда-то появилась маленькая такса.

— Вот тебе и лев с самой узенькой мордой в мире. Пожалуйста, будьте любезны, господин лев, — вот лучшие на свете свежие муравьи! Высший сорт!

Но «лев» с самой узенькой мордой в мире вовсе не собирался есть муравьев. Он только что-то вынюхивал под деревьями.

— Попробуй хоть одного, увидишь, как это вкусно, — уговаривал Пелле.

Но «лев» и ухом не повел.

— Что вы предлагаете съесть собаке? — строго спросил дяденька, хозяин таксы.

— Всего лишь несколько муравьев, — ответил Маттиас. — Они ведь в Африке и хотят, чтоб их съели.

Сперва дяденька недоуменно поднял брови, но потом он увидел кораблики и все понял.

— Это эмигрантский корабль?

Теперь мальчики не поняли, что он сказал.

— Нет, это кораблики, которые поплывут в Амирку, — объяснил Пелле. — А муравьи поедут на них, потому что будут жить там.

— Ага, так, значит, это все-таки корабль переселенцев, — кивнул головой дяденька. — Мой брат уехал на таком давным-давно. Хотя на тех кораблях людей было, конечно, побольше.

— А теперь он живет в настоящей Амирке? Ну, твой брат? — поинтересовался Маттиас.

— Нет, теперь он умер! — Дяденька вздохнул.

— Он, наверно, свалился в воду? — сочувственно спросил Пелле.

— Нет, он заболел и умер, — сказал дяденька.

Но тут Маттиас и Пелле заторопились, потому что кораблики снова отчалили и много муравьев попадало в воду.

Африканские муравьи поползли своим путем, а «лев» с самой узенькой мордой в мире ушел с хозяином.

— В Амирку! — заорал Пелле и прыгнул в воду.

Но он прыгнул прямо на консервную банку и, поскользнувшись, как был в одежде, плюхнулся в воду!

Маттиас смеялся до упаду. Веселее этого с ними сегодня ничего не случилось.

— Ха-ха, а я нарочно, — фыркнул Пелле Маленький. — Прыгай и ты!

Но Маттиас боялся. Однажды он уже прыгнул в пруд, и мама его очень рассердилась.

— Тогда пойдем домой, — предложил помрачневший Пелле.

— Так мы, значит, не поедем в Амирку?

— Чепуха! — отрезал Пелле и, брызгая водой во все стороны, вылез из пруда. — Амирка находится в девяти тысячах девятистах милях отсюда.

— Ну а кораблики? — спросил Маттиас.

— Где ты видел кораблики со старыми билетами на мачтах? — проворчал Пелле Маленький и стал выжимать штанину.

Тогда Маттиас вынул кораблики из воды и вместе с муравьями и со всем прочим спрятал их под кустом.

— Мы еще придем сюда! — пообещал он.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПИР У ПЕЛЛЕ МАЛЕНЬКОГО

В субботу совсем неожиданно вдруг наступил день рождения Пелле Маленького.

Ему исполнилось шесть лет, а Пончик все еще болел корью.

— Но ты-то можешь прийти ко мне на праздник! — пригласил Пелле Маттиаса. — Конечно, если купишь подарок.

— А у меня мало денег!

— Попроси у своей мамы; у нее, наверно, денег сколько хочешь! — лукаво произнес Пелле. — Филиппа тоже может прийти, если не будет громко кричать.

Маттиас тотчас помчался к маме и спросил, можно ли ему пойти на день рождения к Пелле Маленькому.

Мама разрешила. И дала ему целую крону на подарок.

— Тогда я могу купить подарок за полторы кроны, пятьдесят эре у меня есть своих, — обрадовался Маттиас.

Он помчался в табачную лавочку покупать подарок для Пелле Маленького.

— Игрушку для Пелле Маленького за полторы кроны! — закричал он, едва переступив порог.

— Сколько же ему лет? — поинтересовалась тетенька из табачной лавочки.

— Ровно шесть!

Тетенька наклонилась и достала какую-то коробку. — Вот веселая игрушка. И стоит как раз полторы кроны.

Маттиас открыл коробку и вытащил оттуда какую-то вещь, напоминавшую изогнутую трубу. Но стоило в эту трубу подуть, как по кругу начинал двигаться маленький поезд.

Чем сильнее Маттиас дул, тем быстрее двигался поезд.

— Нет, эта игрушка нужна мне самому! — решительно заявил Маттиас. — Больно жирно для Пелле Маленького!

Ему завернули коробку в бумагу, и он вышел из лавочки.

Но он не мог удержаться, чтобы тут же, на тротуаре, не открыть пакет и немножко не подуть в трубу. Он трубил все громче и громче, а поезд как стрела все ездил и ездил по кругу.

Когда он явился домой, лицо у него было совершенно багровое, и Филиппа тут же громко заплакала, так как боялась всяких свистулек.

— Я слышу, ты уже купил подарок Пелле Маленькому, — сказала мама. — Сейчас же положи его в коробку. Нельзя трубить в чужие трубы.

— Мама, я не могу отдать ее Пелле Маленькому! Мне эта труба нужна самому, — признался, повесив голову, Маттиас.

— Но почему же?

— Не знаю. Нужна, и все! — ответил Маттиас.

— Сейчас же положи ее обратно в коробку и заверни в бумагу! — строго приказала мама.

Маттиас начал всхлипывать, а потом заплакал. Бумага вся промокла и загрязнилась от его слез.

Когда пакет наконец был готов, мама Маттиаса сверху написала: «Поздравляю Пелле Маленького с днем рождения!».

Маттиас все еще всхлипывал и думал, что жизнь мрачна и бессмысленна.

— Ну а теперь вытри слезы и пойдем! — скомандовала мама, а сама начала менять пеленки Филиппе.

— Тебе нельзя со мной! Мам никто не приглашал! — прогнусавил Маттиас.

Но ее, оказывается, пригласили! Мама Пелле Маленького сама пригласила ее.

Наконец все трое были готовы и двинулись в путь.

Маттиас с тяжелым сердцем позвонил в дверь Пелле Маленького.

Не успел он нажать кнопку, как дверь распахнулась и на пороге с сияющими глазами и вытянутой вперед рукой предстал сам Пелле.

— Где подарок?

— Вот! — сердито ответил, протягивая ему пакет, Маттиас.

Пелле разорвал обертку и вытащил трубу. Он мигом сообразил, как с ней обращаться, и начал трубить так, что у всех чуть не лопнули барабанные перепонки.

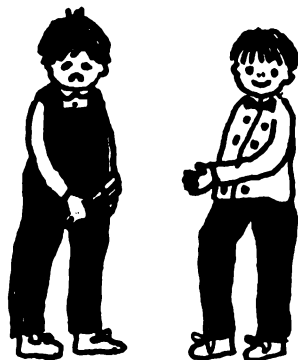
Игрушка оказалась просто замечательной; пока это был лучший подарок из всех, которые он получил.

— Правда, сперва эта труба показалась мне ерундовой. Ну, пока я не начал трубить! — сказал Пелле, глядя на Маттиаса своими невинными круглыми глазками.

— Когда она тебе надоест, можешь вернуть ее мне! — буркнул Маттиас.

— Ха-ха-ха! Она мне никогда не надоест! — расхохотался Пелле.

Потом они стали разглядывать подарки, которые получил Пелле: синюю курточку с железными пуговицами и детский журнал «Каллеанка».

— Хотя курточку я носить не собираюсь, а журнал этот уже читал, — сообщил Пелле.

От младшего своего дяди, маминого брата, которого звали Рулле, он получил трактор с поврежденными передними колесами.

— Погоди, скоро придет бабушка, мамина мама! Вот она дарит подарки, так это подарки! — пообещал Пелле.

Мама Пелле Маленького красиво накрыла праздничный стол; там стоял торт, булочки и сок. Возле каждого стаканчика лежали небольшая шляпка и приставной нос.

— Чур, я сажу рядом с Маттиасом! — воскликнул Пелле, и все уселись за стол: мама Маттиаса с Филиппой на руках и Рулле — с одной стороны, а Пелле с Маттиасом и мама Пелле Маленького — с другой.

Только они нацепили приставные носы, как в дверь позвонили.

— Бабушка! — заорал Пелле, и это в самом деле была она.

Пелле начал рвать и терзать пакет, который она протянула ему. Пакет был большой, а внутри было много-много мелких пакетиков.

И в каждом мелком пакетике лежали разные потешные подарки.

В одном были кусочки сахара; стоило опустить их в сок, как они превращались в маленьких рыбок;

в другом — сигареты; стоило их закурить, как начинал идти снег; в третьем — ложки, которые начинали гнуться, когда их подносили ко рту.

— О таких подарках я мечтал всю свою жизнь! Ко-ко-ко! — прокудахтал Пелле и со всеми пакетами ринулся к столу.

— А теперь зажмурьтесь! — приказал он.

Все зажмурились, кроме Филиппы.

— Ты тоже! — гаркнул Пелле. Но она все равно не желала зажмуриваться.

Он стал хихикать, тасовать подарки, шелестеть бумагой, и всем, ясное дело, было ужасно интересно, что он там делает.

— Э нет, я видел, как ты подглядывал из-под приставного носа! — и Пелле погрозил Маттиасу пальцем.

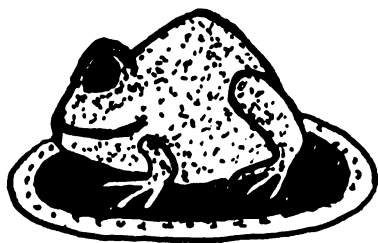
Маттиас снова быстренько зажмурился.

Пелле поколдовал еще некоторое время, а потом всем разрешил открыть глаза.

И все увидели, что в стакане с соком, налитом для Рулле, плавают пять белых рыбок, а на тарелке Филиппы развалилась толстая зеленая лягушка.

Филиппа очень обрадовалась и мигом вонзила в нее зубки.

— Осторожней! — заорал Пелле. — Прокусишь ее, придется платить!

Маттиас сидел и ждал, не всплывут ли и в его стакане рыбки.

— Ты не будешь есть свои шоколадки? — спросил Пелле.

Маттиас удивленно взглянул на свою тарелку. Там лежали три шоколадки. А он их даже не заметил. Он быстренько сунул одну в рот. Пелле Маленький выжидающе смотрел на него.

Через секунду Маттиас с криком взвился из-за стола.

— Помогите! Помогите! Ой, как щиплет! — орал он, приплясывая и отплевываясь.

А Пелле Маленького разобрал такой безудержный смех, что он просто свалился на пол.

— Попробуй вторую! Попробуй вторую! — кричал он.

Но Маттиас убежал в прихожую и там тихонько всхлипывал, вытирая слезы.

Следом за ним вышла его мама и, погладив по голове, шепнула:

— Можешь купить себе такую же трубу с поездом, только перестань реветь! И будь веселый, как всегда!

От таких слов Маттиас, понятно, тотчас перестал реветь и снова стал веселый. А когда он вернулся к столу, в его стакане с соком тоже плавали белые рыбки!

Тут настал черед торта.

— Мне — самый большой кусок! А то, что останется, можете разделить между собой! — властно и внушительно произнес Пелле.

Все стали есть с таким аппетитом, что приставные носы побелели от крема.

Потом Пелле спросил, вкусный ли торт. И звучно хихикнул.

Да, конечно! Торт всем очень понравился. Он был ванильный, с малиновым вареньем, со сбитыми сливками и с шоколадками.

Внезапно бабушка Пелле Маленького испуганно вскрикнула и отодвинула тарелку.

— Это еще что за торт? С дождевыми червями? О, какой ужас!

И в самом деле: у нее на тарелке извивался длинный розовый дождевой червь.

Пелле Маленький вне себя от восторга то кричал, то хохотал, а потом сорвался со стула и запрыгал на одной ножке по комнате.

— Ой, как я... как я всех... обманул! Это я сунул в торт... игрушечного червя... когда никто не видел, — наконец выговорил он.

Аппетит у гостей, конечно, пропал, так что Пелле Маленькому досталось еще несколько кусков торта.

Потом они построили хижину и стали играть в Тарзана. Они смотрели про него в кино. Тарзан — это человек, который вырос в джунглях и здорово лазал по деревьям. Он прямо-таки перелетал с лианы на лиану, лучше, чем любая обезьяна. Пелле сказал, что вместо лиан у них будут занавески. И он бесстрашно бросился и повис на этих «лианах», так что обе занавески треснули и порвались. А горшок с цветами упал на пол. Рулле поскользнулся на цветке и набил большую шишку на лбу.

Чтобы никому не было обидно, Тарзанами были сразу все трое, и от этого поднялся такой шум, что мама Пелле Маленького велела им немедленно прекратить игру.

Потом с помощью сигарет они устроили небольшую снежную метель, а Пелле, нацепив на себя маску — поросычью мордочку из резины, бегал по комнате и визжал. Он был так похож на настоящего поросенка, что Филиппа закричала благим матом. Словом, они веселились как никогда.

Но в самый разгар веселья мама Маттиаса сказала, что пора идти домой, ведь скоро уже вечер.

Они распрощались, а Пелле подал им руку и хрюкнул, смешно двигая пяточком.

— Добро пожаловать на будущий год в этот же день! Пелле станет на год старше! — пригласила всех мама Пелле Маленького.

У ФИЛИППЫ РАЗДУЛО ЩЕЧКУ

— Веселый был день рождения у Пелле Маленького! — сказал Маттиас, когда они вернулись домой. — Веселее всего было с дождевым червяком! А уж с занавесками! Ха-ха-ха! Эх, мне бы еще поросячью маску! Тогда бы мы с Пелле Маленьким целый день играли в поросят!

Мама Маттиаса накрывала на стол, ставила тарелки и стаканы, потому что подошло время ужина. В доме было непривычно тихо и мирно.

— Что это с Филиппой? Почему она не кричит? — удивился Маттиас.

— Она весела и довольна! — ответила мама, раскладывая ложки и вилки.

Маттиас сел за стол рядом с Филиппой.

— Вот чудно! У нее на щечке большая шишка!

— Дай-ка я посмотрю! — мама взяла Филиппу на руки. Одна ее щечка раздулась как мячик и была совершенно твердая.

— Что же это такое? Открой рот! — приказала Филиппе обеспокоенная мама.

Но Филиппа не желала открывать рот. Она сжимала изо всех сил губки и была злющая-презлющая.

— Может, она упала и ударилась? А может, у нее воспаление? — терялась в догадках мама.

— Наверно, спаление! — глубокомысленно изрек Маттиас. — Шишка и спаление!

Он нажал ей на щечку и огорченно покачал головой. Филиппа заплакала. Но на этот раз, против обыкновения, она плакала, не открывая рта.

— Какая у нее ужасная шишка! Что же нам делать? — в тревоге спрашивала мама.

В эту минуту вернулся со своей скучной работы папа. — Что у нас сегодня на ужин? — весело закричал он из прихожей. Но войдя в кухню, увидел, что все сидят мрачные.

— Сегодня ужина не будет, у Филиппы раздуло щечку. Необходимо ехать в больницу, — взволнованно сказала мама.

Когда папа увидел шишку на щечке Филиппы, у него подкосились ноги.

— Едем немедленно! — заявил он.

Папа вызвал такси, и они поехали.

Такси ехало быстро, и через несколько минут они уже были на месте. Больница, куда они приехали, была светлая и большая. Такая большая, что конца ей не было. На каждом шагу виднелись окна и рентгеновские аппараты.

— Бедняжка Филиппа! — пожалел сестренку Маттиас. — Придется ей теперь спать вместо кровати в рентгеновском аппарате!

— Ничего подобного! — нервно возразила мама. — Доктор посмотрит, и она снова сможет поехать домой. — Будем надеяться! — серьезно произнес папа.

Им пришлось сидеть, дожидаясь своей очереди, в приемной, где было полно детей с игрушками в руках.

Один несчастный мальчик сломал себе ногу, а одна девочка была с ног до головы покрыта красной сыпью. — У нее корь, сразу видно, — прошептал Маттиас.

Но интереснее всего был мальчик, у которого палец застрял в бутылке! Он сунул указательный пальчик в коричневую бутылку, а вытащить его обратно не смог. Теперь он спокойно сидел с бутылкой на пальце у мамы на коленях и ждал своей очереди к врачу.

Филиппа тоже сидела спокойно. Маттиасу казалось, что щечка ее за последние полчаса раздулась еще сильнее.

А если она умрет? Ведь есть же люди, которые от этого умирают! И стоило ему подумать, что Филиппа может умереть, как у него защекотало в носу и из глаз закапали слезы. Нет! Он хотел, чтобы Филиппа всегда была с ним!

— Не плачь, Маттиас! — шепнул ему папа. — Скоро доктор вылечит Филиппу!

Но вот настала их очередь.

— Здравствуйте, здравствуйте! — поздоровался доктор. — Кто же из вас болен?

— У нее шишка! — сказал Маттиас, указывая на Филиппу.

— И великолепная при этом! — воскликнул доктор. — А давно она у нее?

— Примерно с час! — ответила мама.

— Ага, тогда я сделаю анализ крови! — сообщил доктор и взялся за шприц.

Глаза Маттиаса потемнели.

— Если ты кольнешь ее, я кольну тебя так... гвоздем! — закричал он.

Доктор серьезно посмотрел на Маттиаса, немножко подумал и отставил шприц в сторону.

— Ну ладно, подождем немного! Открой рот! — приказал он Филиппе.

Но Филиппе, ясное дело, было чихать на его слова. Она сжала свой маленький ротик и что-то забормотала.

Тогда доктор сунул ей пальцы в ротик и открыл его. Филиппа была неприятно удивлена. И тут вдруг — бах! Из рта у нее прямо доктору в руку прыгнула зеленая игрушечная лягушка Пелле Маленького.

Ой, ну и расхохотался же доктор! И мама, и папа! А Филиппа кричала во все горло. Ей непременно хотелось, чтобы лягушка сидела у нее во рту.

— Пошли быстрее домой, надо вернуть лягушку Пелле Маленькому! — заторопился Маттиас.

Доктор сказал, что доставать лягушек изо рта у детей стоит двенадцать крон. Так что им ничего

не оставалось, как заплатить эти двенадцать крон и ехать домой.

Когда они выходили из ворот больницы, Маттиас вдруг начал хромать.

— Что с тобой? У тебя болит нога? — обеспокоенно спросила мама.

— Да, болит!

— Где же?

— Здесь! И здесь! И там! И еще у меня живот болит! — пожаловался Маттиас.

— Тогда придется вернуться к доктору и сделать анализ крови! — вздохнул папа.

Но тут, как ни странно, Маттиас сразу выздоровел.

— Я, наверно, только совсем немножко сломал ногу! — объяснил он и весело выскочил за ворота.

ПРИЕХАЛ ДЯДЯ КЛУМПЕ-ДУМП

Мало-помалу Пончик поправился.

Похоже было, что он чуточку похудел, а щеки его даже как-то печально обвисли.

— Ну ничего, теперь я снова потолстею, — утешал себя Пончик.

Лишь только Пончик поправился, ему первым делом захотелось взглянуть на улиток.

— Пойдете со мной в парк Ванадислюнден? — закричал он Маттиасу и Пелле Маленькому, которые сидели на тротуаре перед аптекой. Но пока Пончик болел, и Пелле Маленькому, и Маттиасу улитки изрядно надоели. Они так и норовили уползти. Или без конца пускали пузыри. От этого можно было просто сойти с ума.

Маттиас и Пелле Маленький решили посидеть на тротуаре, пока Пончик сбегает в парк.

Они болтали о своих дядях, потому что сегодня двухчасовым поездом должен был приехать дядя Маттиаса, брат его отца.

У Пелле Маленького дяди со стороны отца не было. И оттого он изо всех сил хвастался своими глупыми дядями со стороны матери — Пелле Большим с ба-кенбардами да этим Рулле, который был слишком маленьким для дяди.

— А мой дядя, папин брат, собирает травы и цветы! У него дома много-много сотен трав! — сказал Маттиас.

Вот умора! Смешнее этого Пелле Маленькому никогда ничего слышать не приходилось.

— Он, наверно, помешанный! Как его зовут?

Маттиас притворился, будто не слышит.

— А сколько он курит! Целую пачку сигарет за день выкуривает!

— Как его зовут? — упрямо добивался своего Пелле Маленький.

— Его зовут дядя Клумпе-Думп*.

— Дядя Клумпе-Думп! Ой-ой-ой! Вот потеха! Глупее этого имени мне слышать не приходилось.

— Он ужасно добрый! — обиженно произнес Маттиас. — Я пошел домой! Пока!

И вот наконец появился дядя Клумпе-Думп. Он громко смеялся, и вид у него был такой, как всегда.

— У тебя что, чемодан набит травами? — поинтересовался Маттиас.

* Недотепа (шв.).

— Ха-ха-ха! — оглушительно захохотал дядя. — Нет, травы я на сей раз оставил дома. Но я захватил для тебя кое-что. Погоди, сейчас увидишь!

Он так решительно стал рыться в своем огромном чемодане, что все вещи разлетелись по комнате.

— Вот, пожалуйста! — и он протянул Маттиасу большое яйцо в крапинках.

— Чье это яйцо? — зачарованно глядя на подарок, спросил Маттиас.

— Это страусиное яйцо. Если не поленишься хоть изредка сидеть на нем, из яйца вылупится страусенок. Хочешь?

— Понятно, хочу! — ответил Маттиас.

— Ну, тогда пойди и посиди немного! — предложил дядя.

Маттиас взял яйцо и пошел к себе в комнату. Потом он положил яйцо на кровать, а сам осторожно придвинулся к нему, стараясь не раздавить.

«Вот здорово, если из него вылупится страусенок! — мечтал Маттиас. — А что скажет Пелле! Ведь у него всего-навсего канарейка!»

Вдруг Маттиасу очень захотелось спать. Глаза то и дело слипались.

Немного погодя к нему в комнату заглянула мама и увидела, что он крепко спит, обхватив руками яйцо.

Dядя Клумпе-Думп

— Ну и ну, конец света! — воскликнула мама Маттиаса. — Он лег спать в такую рань!

— Ш-ш-ш! Тише! — прошептал дядя Клумпе-Думп. — Он высидживает яйцо!

После обеда они пошли гулять. Стоял теплый, солнечный день.

— Слишком тепло! — сказал отдуваясь дядя Клумпе-Думп.

Он больше любил пасмурную погоду и еще когда моросит дождик.

На Нортульсгатан они наткнулись на Пелле Маленького и Пончика.

— Это дядя Клумпе-Думп! — представил родственника Маттиас.

— Сразу видно! — дерзко фыркнул Пелле Маленький.

— Ай-ай! Неужели? — ухмыльнулся дядя Клумпе-Думп. — Куда вы направляетесь, господа?

— В парк Ванадислюнден. Пелле докажет, что умеет летать, — пояснил Пончик.

— Ты и вправду умеешь? — спросил дядя Пелле Маленького.

— Да, представьте себе, умею.

— И ты уже летал прежде, молодой человек?

— Нет, каждый сам чувствует, может он летать или нет! — с важностью изрек Пелле. — Надо лишь влезть на дерево и взмахнуть руками. И тогда сразу полетишь.

— Пойдем посмотрим, как это он летает, — предложил дядя.

— Ладно.

И вот все они отправились в парк.

Пелле высматривал подходящее дерево, с которого можно было бы взлететь, а Пончик наблюдал, чтобы никто не наступил на улиток: те ползали теперь довольно далеко от своего городка.

Пелле облюбовал дерево высоко-высоко, на самом верху холма. С него точно можно было бы взлететь.

— Отсюда лучше всего! — сказал он. — Захочу — полечу даже домой, на Ванадисвеген.

И он тут же начал взбираться на дерево.

— И крыльев тебе не нужно? — удивился Маттиас.

— Нет, надо только как следует размахивать руками.

Дяде Клумпе-Думпу эта затея показалась очень интересной.

— Если ты полетишь, я тоже попробую, — сказал он.

— Хи-хи! Ты слишком толстый! — захихикал Пелле.

Он уже почти добрался до макушки. Но дерево было совсем маленькое, и макушка его поднималась не очень высоко над землей.

Дядя Клумпе-Думп и Маттиас начали собирать листву и на всякий случай сложили ее в большую кучу под деревом — вдруг, когда дойдет до дела, Пелле упадет вниз.

— Вы готовы? — спросил Пелле.

— Да-а!

— Тогда считаю до десяти! Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять!

Все трое не отрываясь смотрели на Пелле Маленького. Он стоял выпрямившись на замшелой ветке,

стараясь сосредоточиться. Затем вдохнул побольше воздуха, взмахнул руками и прыгнул.

Сердце Маттиаса гулко забилося.

А Пелле Маленький, размахивая руками, вдруг полетел... Он слетел прямо на кучу листвы, которая так и взметнулась ввысь!

Долгое время в листве мелькали лишь маленькие барахтающиеся ноги и руки, а потом вынырнуло и рассерженное личико.

Дядя Клумпе-Думп, Пончик и Маттиас хохотали до упаду. А Пелле лишь приглаживал свои растрепанные волосы и морщил нос.

— Я все равно пролетел... немножко... — проворчал он. — А захотел бы и очутился на улице Ванадисвеген. Но я не захотел. Чего мне болтаться там без дела!

— Теперь полечу я! — сказал дядя Клумпе-Думп и тоже полез на дерево.

— Раз-два-три! — взмахнув изо всех сил руками, он свалился прямо в кучу листвы.

Потом полетели Пончик и Маттиас! Но вот чудо! Как они ни размахивали руками, они все равно падали в кучу листвы.

— А я и не думал, что летать так весело! — вскричал дядя, взбираясь на дерево в одиннадцатый раз.

Домой они пошли, когда уже начало смеркаться.

Наклонившись, Пелле подобрал мимоходом старую коробку из-под сигарет. Подняв крышку, он так и замер на месте: глаза его округлились от удивления.

— Глядите, здесь лежит Пастор и прохлаждается!

И правда! Там, в своем буром домике, лежал Пастор и вовсю пускал пузыри.

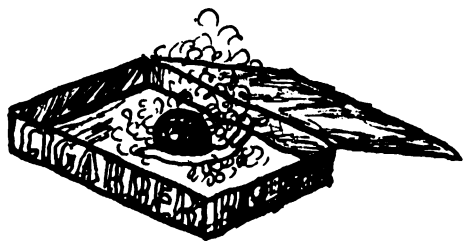
— Какой еще пастор! — воскликнул дядя. — Ведь это обыкновенная улитка!

— Читай сам! — предложил Пелле, вложив Пастора в руку дяди.

— Пас-тор! — прочитал по складам дядя Клумпе-Думп. Буквы, написанные Пончиком, еще виднелись на раковине.

— Да, я, верно, ошибся. Я-то думал, что это просто обыкновенная улитка!

Пелле Маленький посадил Пастора на дерево, по которому тот любил ползать, и все отправились домой.

ПОЯВЛЯЕТСЯ КАЛЛЕ ХЛЮПИК, А ПЕЛЛЕ МАЛЕНЬКИЙ РАССУЖДАЕТ О ПАПАХ

Когда дядя Клумпе-Думп поселился у Маттиаса, до того стало весело. Дядя был ужасно смешной. Ну прямо как маленький. Каждое утро они воевали, швыряя друг в друга подушками, пока мама Маттиаса не говорила: «Хватит!»

А иногда они играли в «голубцы». До чего же было смешно, когда дядя, лежа на полу большой комнаты, катался взад-вперед на своем огромном животе!

Время от времени Маттиас высиживал страусиное яйцо, но лежать неподвижно несколько часов подряд он не мог. Маленькому это трудно.

— Ну, скоро появится страусенок? — поинтересовался однажды дядя. — Ты не слышал, там внутри никто не пищит?

Маттиас приложил ухо к яйцу.

— Нет, не пищит!

— Придется еще посидеть! — вздохнул дядя Клумпе-Думп.

Маттиас посидел еще пять минут, а потом они вышли на улицу. Погода была точь-в-точь такая, какая нравилась дяде, — пасмурная и дождливая. — Ну, сегодня мы погуляем! — сказал он, потирая руки.

Но тут мама Маттиаса высунула голову из окна кухни и закричала:

— Маттиас, сейчас же домой! Схватишь насморк!

— Тогда я пойду один! — сказал дядя Клумпе-Думп. — А когда вернусь, вместо прогулки будем швыряться подушками.

Маттиас поднялся к Пелле Маленькому и позвонил. — Знаешь, — сказал Пелле Маленький, открывая дверь. — На улицу Далагатан переехал новенький мальчик!

Маттиас этого не знал, так как много дней не был на улице Далагатан.

— Да, туда переехал новенький мальчик, — повторил Пелле, — настоящий хлюпик! А зовут его Калле. Он все время мерзнет, — продолжал рассказывать Пелле. — Его трясет от холода: он тощий-претощий! Можем пойти посмотреть на него, если хочешь!

Маттиас совершенно забыл, что мама не разрешила ему выходить на улицу под дождь, и они со всех ног помчались на Далагатан.

— Напугай его, вот будет потеха! — пропыхтел на бегу Пелле.

Когда они прибежали, Калле сидел в воротах своего дома и играл сам с собою в шары. Пелле сказал правду: Калле был настоящий хлюпик. И ножки у него были тонкие-претонкие, почти как спички.

— Привет! — поздоровался Пелле. — Сидишь тут и мерзнешь? Скажи ему, — прошептал он Маттиасу, — что тут водятся и ведьмы, и злые собаки, и всякая разная нечисть! — И он ущипнул Маттиаса за руку.

— Здесь водятся ведьмы, и злые собаки, и всякая разная нечисть, — нерешительно произнес Маттиас.

— Мама! Мама! — тотчас заревел Калле.

— Да нет, чепуха! Никого тут нет! Я пошутил! — пожалел его Маттиас.

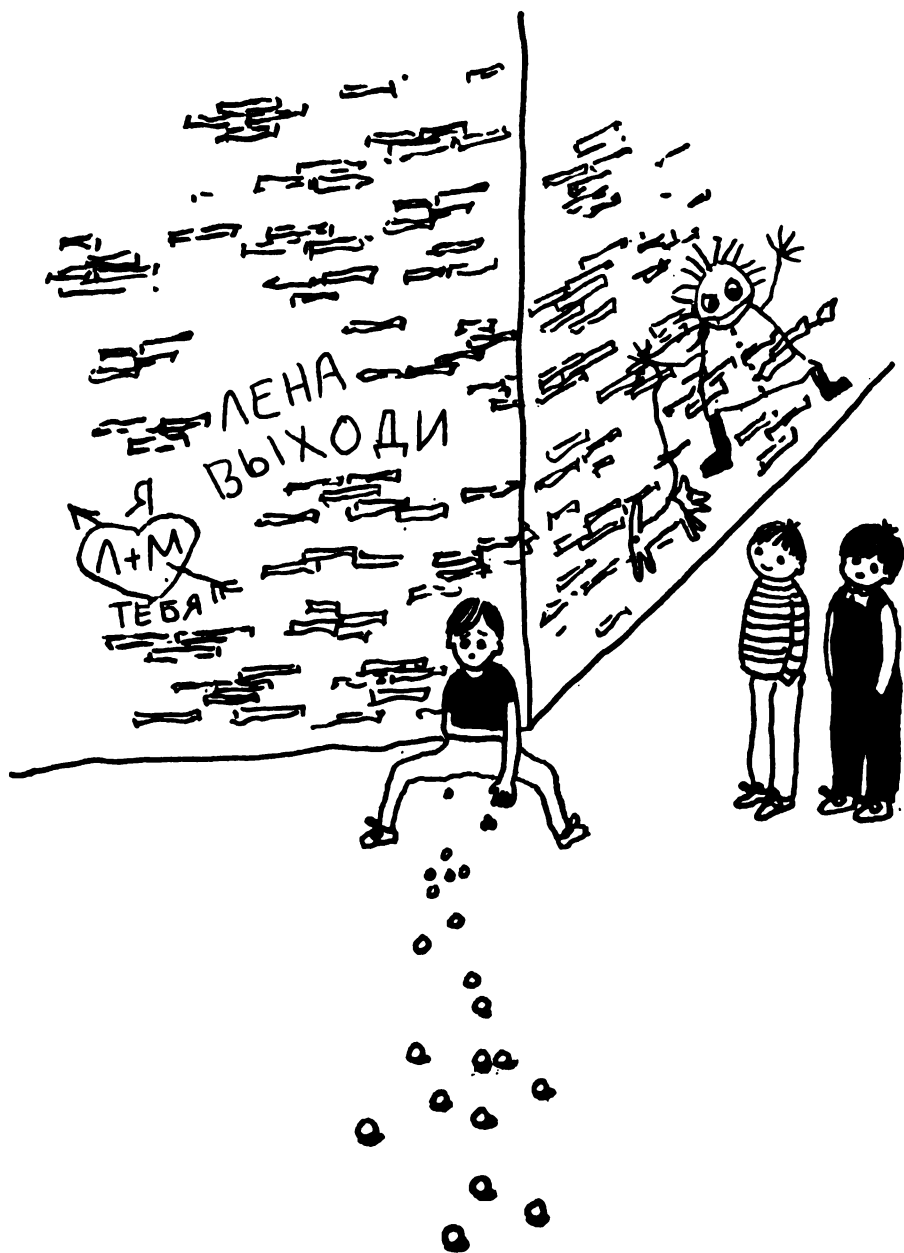
Глубоко вздохнув, Калле вытер глаза.

Пелле, широко расставив ноги и подбоченясь, встал перед ним.

— Скажи, почему ты все время реवेशь? Может, ты ногу сломал или живот у тебя болит? И вообще, что с тобой стряслось?

Калле посмотрел на них своими маленькими печальными глазками.

— У меня ведь нет папы! — всхлипнул он.

— А у кого он есть? — весело возразил. Пелле. — Да и на что они, эти папы, нужны? Я слышал, будто они страшные надоеды. Хуже всяких мам. Правда, Маттиас?

— Н-да-да! — неуверенно ответил Маттиас. — Может, папы и не такие уж надоеды, но они всегда говорят, что пора ложиться спать.

— Вот слышишь, — обратился Пелле Маленький к Калле.

Наконец по лицу Калле пробежала легкая улыбка.

Маттиасу было так жалко Калле! Ведь за версту было видно, что Калле очень добрый мальчик.

— Мы, может, придем как-нибудь в другой раз — поиграть с тобой, — пообещал Маттиас на прощанье.

И друзья отправились домой к Пелле Маленькому.

Дома Пелле почему-то разобрало ужасное любопытство. Ему захотелось вдруг узнать все про пап.

— О чем они вообще-то говорят? — расспрашивал он.

— О чем? Об автомобилях, о тракторах и всяком разном, — ответил Маттиас. — И еще о львах, о тиграх и обо всем понемножку.

Тогда Пелле подошел к ящику своего комода и стал шуршать бумагами. А потом протянул Маттиасу маленькую пожелтевшую фотографию.

— Это мой папа! — гордо объяснил он. — Мне мама сказала.

Маттиас долго разглядывал папу Пелле Маленького. Тот улыбался и ничем не отличался от других людей. На макушке у него была надета маленькая шапочка со смешным помпоном.

— А куда он подевался? — спросил Маттиас, отложив фотографию в сторону.

— Откуда мне знать? — сказал Пелле. — Я никогда его не встречал. А мама говорит, что его и след простыл.

Во время обеда Маттиас рассказал про Калле, который все время мерзнет, из-за всего плачет и страшно худенький! А ножки у него как спички.

— Давай утром пойдем и навестим Калле! — предложил дядя Клумпе-Думп.

— Давай! — согласился Маттиас.

— Ну а как идут дела? Ты высиживал сегодня яйцо?

— Немножко! Только утром. Долго высиживать трудно. Так и заболеть недолго, — ответил Маттиас.

ДЯДЯ КЛУМПЕ-ДУМП ВМЕСТО ПАПЫ

На другой день дядя Клумпе-Думп и Маттиас отправились на Далагатан разыскивать Калле Хлюпика.

Они нашли его сразу, так как он сидел примерно на том же самом месте, что и накануне.

— Хочешь пойти с нами? — спросил дядя Клумпе-Думп.

Калле сразу же согласился. Повеселев, он несколько раз кивнул головой.

— Тогда пойдем, прогуляемся!

Дядя Клумпе-Думп держал Маттиаса и Калле за руки.

Они медленно шли по Ванадисвеген. У пекарни Калле сказал:

— Давай притворимся, будто ты мой папа!

И еще крепче вцепился в руку дяди Клумпе-Думпа.

Лицо у дяди было счастливым-пресчастливым. Он никогда не был папой, и ему, наверно, было приятно испытать отцовские чувства.

Немного погодя они пришли в Ванадислюнден, и Маттиас показал дяде и Калле Хлюпику городок для улиток. Все улитки, ясное дело, уползли. Некоторые сидели высоко на деревьях, а Астрид и одна Майя заползли в траву.

Калле не мог наглядеться на улиток и их городок. — Можно поиграть в такую игру, будто они коровки? — попросил он.

— Можно, если тебе охота, — небрежно отозвался Маттиас. — Этот дом с пивной бутылкой вместо двери — церковь, а вон там — больница!

— Если увидишь улитку в толстой бурой раковине, это Пастор, — сообщил дядя Клумпе-Думп.

— Можешь посадить его в церковь, его место там! — разрешил Маттиас.

Калле, улегшись на землю, заглянул и в церковь, и в дом. Он ни за что не хотел уходить от городка для улиток.

— Можешь покараулить наших улиток! — великодушно позволил Маттиас. — Нам они все равно надоели. Но только запомни: если они заболеют, им нельзя есть голубые цветочки, а не то они мигом умрут.

Маттиас с дядей ушли; Калле же, весь сияя от счастья, остался сидеть возле городка с улитками.

У киоска с мороженым на Свеавеген они наткнулись на злого и недовольного Пелле Маленького. Он умирал от желания съесть мороженое.

Дядя Клумпе-Думп купил им по порции мороженого — ему всегда хотелось, чтобы детям было хорошо. — Калле Хлюпик сидит в роще и караулит наших улиток, — сообщил Маттиас. — Он гулял с нами, и мы притворились, будто дядя — его папа.

— Давай теперь притворимся, будто ты мой папа, — попросил Пелле Маленький и схватил дядю Клумпе-Думпа за руку.

Но тут же задумался.

— Раз так, мне надо сбежать домой за шапочкой с помпоном, такая на моем папе... ну, на фотографии.

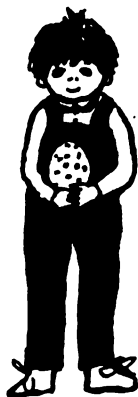
— Конечно, раз ты хочешь, чтоб я надел шапочку с помпоном, я ее надену! — согласился дядя Клумпе-Думп и провел рукой по своему широкому, влажному лбу.

Не успели они и глазом моргнуть, как Пелле вернулся с шапочкой: на самой ее макушке торчал смешной помпон.

— Надвинь ее на глаза, как у папы на карточке! — приказал Пелле.

Они снова стали прогуливаться по улице Ванадисвеген, и дядя Клумпе-Думп был ужасно смешным в тесной ему шапочке. Пелле Маленькому казалось, что встречные оборачиваются и говорят друг другу: — Вот как! У этого мальчика есть отец! Прекрасно! Даже если это какой-то чудак в шапочке с помпоном! — Обещаешь, — попросил Пелле, расставаясь с ними в воротах, — когда будешь гулять со мной, надевать всегда эту шапочку? Ладно?

После обеда Маттиас отправился в свою комнату и посидел немножко на страусином яйце. Он уже начал терять надежду, что из яйца кто-нибудь вылупится. И уж во всяком случае никакой не страусенок.

— Ты устал? — спросил дядя.

— Да, устал, — признался Маттиас. — Наверное, там внутри ничего нет. Мне так кажется.

— Встряхни слегка яйцо, — предложил дядя Клумпе-Думп.

Маттиас тряхнул яйцо. Внутри загремело и зашуршало.

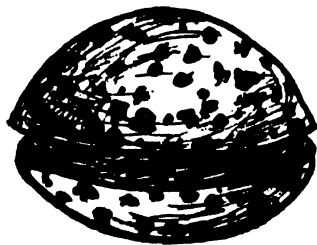
— Должно быть, там ужасно твердый страусенок! — просиял Маттиас.

— Твердый и шуршащий! — подтвердил дядя.

— Может, проткнем дырочку и посмотрим? — загорелся Маттиас.

— Согласен! — ответил дядя. — Подожди, я тебе помогу. Я знаю один фокус, как не испортить яйцо.

Взяв яйцо в свои толстые ладони, он чуть повернул его и... випс! Оно разломилось пополам на две одинаковые большие половинки.

— Караул! — закричал Маттиас. — Дай посмотрю!

Дядя Клумпе-Думп протянул ему яйцо, и Маттиас чуть не упал от удивления.

— Ой, оно набито тонкой шелковой бумагой!

— Ты видел когда-нибудь что-либо подобное?

— Вот уж не знал, что страусят заворачивают в шелковую бумагу! — удивленно произнес Маттиас и осторожно развернул бумагу.

У дяди вид был какой-то странный, и он тихонько хихикал.

— Ой! — взволнованно закричал Маттиас. — Это вовсе не страусенок. Это трактор!

Дядя расхохотался так, что у него заколыхался живот.

Тут Маттиас понял, что его разыграли.

— Значит, это яйцо не настоящее? Это не страусиное яйцо?

— Настоящее, настоящее, только скорее это не страусиное яйцо, а тракторное, — снова захихикал дядя.

Трактор был красный, красивый, с ковшом, который мог вертеться во все стороны, если трактор завести.

Маттиас страшно обрадовался, потому что все его прежние тракторы были старые и поломанные.

— Если бы ты так добросовестно не высиживал яйцо, из него ни за что бы не вылупился трактор! — сказал дядя Клумпе-Думп.

— Гм... — с сомнением хмыкнул Маттиас.

ПРАЗДНИК СЕРЕДИНЫ ЛЕТА

Чем теплее становилось, тем больше мечтал Маттиас о новогоднем празднике с рождественскими подарками и елкой. И еще о красивом новом календаре и целой толпе веселых домовых с красными носами, которые бегают по улицам и шумят.

Но до Нового года было еще ужасно далеко, целая вечность. Пелле Маленький тоже так считал.

Правда, во дворе у них валялось несколько елок с опавшей хвоей. Иногда они играли с этими елками, но все же это не то, что настоящий Новый год.

Однажды утром Маттиас вошел в кухню и спросил у мамы, нет ли у нее немного золотой канители, рождественских карамелек, бенгальских огней и прочего. Мол, Пелле задумал нарядить во дворе рождественскую елку.

— Вы что, немножко не в себе?! — воскликнула мама. — Собираетесь наряжать рождественскую елку накануне Праздника середины лета!

— Во-он что, значит, завтра Праздник середины лета?! — удивленно протянул Маттиас.

— Конечно! Нарядите уж лучше праздничный майский шест и украсьте его гирляндами.

Маттиас знал, что такое майский шест. Один такой он уже видел прошлым летом. Тогда тоже был праздник и шест весь-весь был перевит гирляндами.

Маттиас тут же помчался к Пелле Маленькому.

— Пелле Маленький, Пелле, давай нарядим майский шест! Сегодня канун Праздника середины лета!

Маттиас знал: чтобы нарядить майский шест, нужны цветы — маргаритки и еще какие-нибудь. Но на всей Ванадисвеген ни одной самой крохотной маргаритки не было, да и других цветов тоже. Только возле киоска росло два репейника, но нельзя же украшать майский шест репейником.

— Что это вы такие невеселые, мальчики? — спросил проходивший мимо дядя Клумпе-Думп.

— Нам нечем украсить майский шест, — объяснил Маттиас.

— Только-то и забот! Ну-ка сбегайте домой и принесите несколько пакетов! — велел дядя.

Пелле и Маттиас вернулись с большими пакетами, и из одного Пелле Маленький выудил шапочку с помпоном.

— Надень ее на макушку! — строго приказал он дяде Клумпе-Думпу.

Дядя тотчас надвинул шапочку на макушку, и они отправились в путь. На трамвайной остановке дядя велел им подождать, и когда пришел трамвай, все сели в него.

— Кто самый большой, тот пусть и платит! — хихикнул Пелле.

Платить, понятно, пришлось дяде Клумпе-Думпу. — А куда мы едем? — любопытствовал Маттиас, когда трамвай прогремел мимо пивоваренного завода.

— В ближайший лес! — ответил дядя.

Им пришлось порядочно проехать, прежде чем на горизонте показался какой-то лесок. Что касается Пелле, то он был бы рад, если бы лес не показывался еще дальше, потому что трамваи он любил гораздо больше, чем леса.

Но примерно через полчаса лес появился, и, кажется, довольно большой.

— Ну, мальчики, выходим! — позвал дядя.

— Порядок, папа Клумпе-Думп! — заорал Пелле, прежде чем выпрыгнуть из трамвая, и оглядел всех с видом превосходства.

В лесу росло много деревьев, трав и цветов.

— Дядя, если у тебя есть с собой нож, мы можем нарезать веток с деревьев! — предложил Маттиас.

Но Клумпе-Думп замахал обеими руками.

— Вы что, с ума сошли? Ветки нельзя срезать!

— А зачем же тогда деревья вообще? — удивленно произнес Маттиас.

— Для красоты! Деревья надо беречь! — объяснил ему дядя. — Мы будем собирать травы и цветы, которые можно рвать, и когда вернемся домой, соорудим отличный майский шест.

Пелле равнодушно огляделся.

— До чего же скучно в этом лесу! Ни одного автомобиля! Дядя Клумпе-Думп, ты и в самом деле собираешь траву? Что в ней красивого? — спросил он дядю Клумпе-Думпа.

Дядя кивнул:

— Правда! Дома у меня в самом деле сотни разных трав. И они, по-моему, очень красивые.

Пелле закатил глаза и подмигнул Маттиасу.

Скоро у всех троих мешочки наполнились травами и цветами.

Тут дядя предложил поваляться на земле, отдохнуть минутку и послушать пение птиц.

Но ему пришлось валяться одному, так как ни у Маттиаса, ни у Пелле не было ни малейшего

желания слушать пение птиц. А точнее сказать, Пелле Маленькому прямо-таки не терпелось снова оказаться в городе среди привычного городского шума.

И вот они снова дома и высыпают на дворе собранные травы и цветы.

Нужны были длинный шест и тонкая стальная проволока, чтобы крепко привязать к шесту цветы и травы. Дядя Клумпе-Думп отыскал все это в подвале.

Пелле и Маттиас сплели по венку. Один венок получился большой, другой — маленький, и оба были почему-то не круглые, а какие-то кривые.

После обеда в городе стало совсем пусто и тихо — ни одного автомобиля на улицах, все уехали за город.

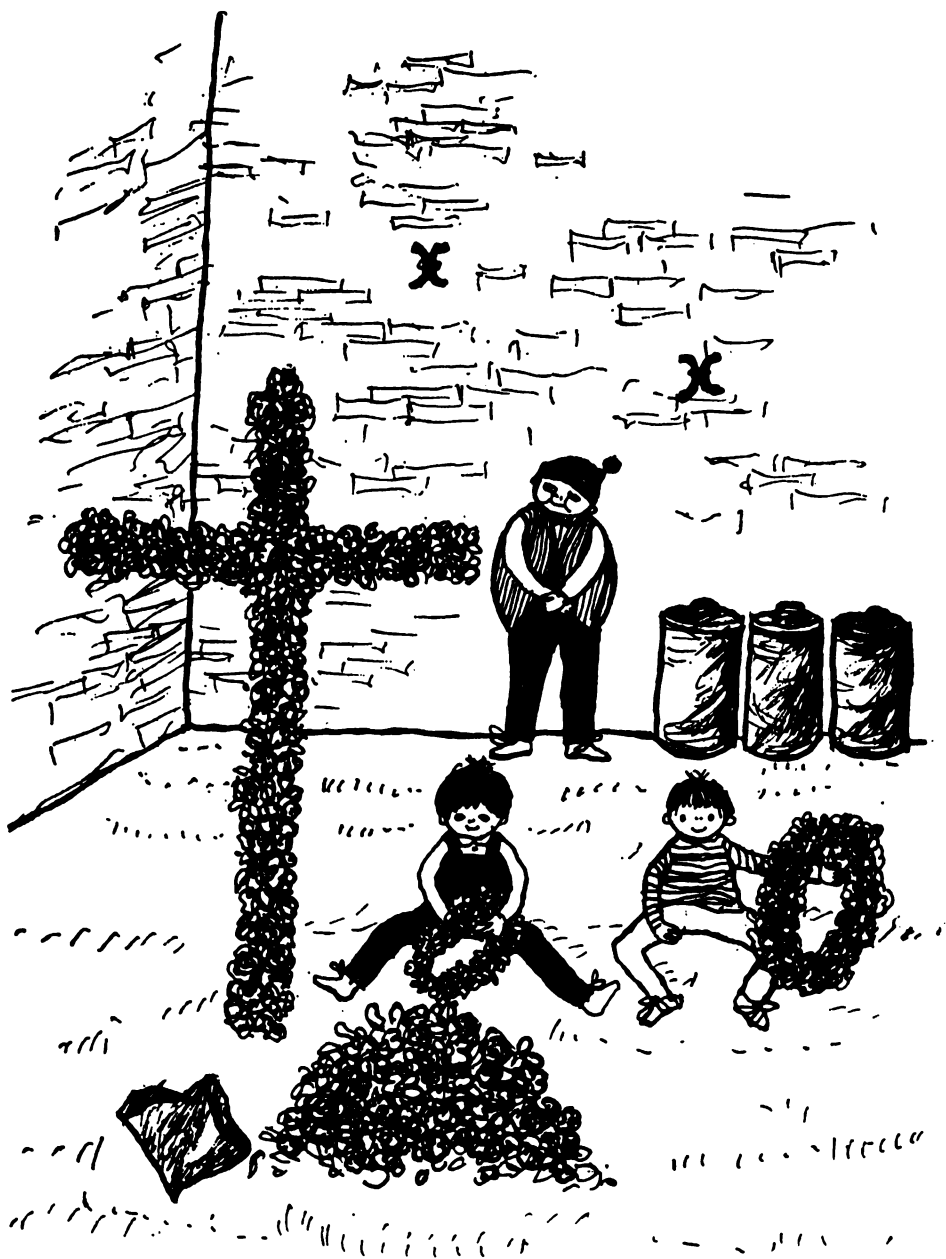
Когда майский шест был готов, Пелле Маленький сбегал домой и принес свою маску — поросычью мордочку. Он сказал, что в праздник надо надеть на себя что-нибудь особенное.

Дядя Клумпе-Думп до того устал от экскурсии в лес, что поднялся к себе наверх и лег вздремнуть.

Около трех часов мимо промчался Пелле Большой, его мопед был нагружен березовыми ветками. Он мигом узнал под маской поросенка Пелле Маленького и, прежде чем исчезнуть в клубах пыли на Свеавеген, показал ему нос.

Мама Маттиаса приготовила много сока и еще больше булочек. Все это она вынесла на подносе во двор и стала там накрывать на стол, который успел откуда-то притащить дядя Клумпе-Думп. Весь двор стал вдруг похож на какой-то праздничный зал. — Теперь можете пригласить всех из соседних домов! — воскликнула мама. — На наш летний праздник.

Маттиас и Пелле Маленький помчались в парк Ванадислунден и нашли там Пончика и Калле Хлюпика. Калле караулил пестрых улиток, а Пончик присматривал за Пастором.

Услыхав про праздник с угощением. Пончик быстренько водворил Пастора в церковь и запер ее пивной бутылкой. С тех пор как Пончик поправился, у него сильно разыгрался аппетит. Казалось, живот его превратился в бездонную бочку. «Ничего, мало-помалу он спадет!» — говорил Пончик, похлопывая по своему толстому животу.

У Калле Хлюпика был задумчивый вид.

Ему так нравились улитки, что он насилу решился расстаться с ними, хотя его ожидал праздник и сок с булочками.

— Э, ну их, этих улиток! — сказал Пелле. — Они все равно не уползут дальше тротуара.

И все вместе дети отправились на двор.

— Ой, в самом деле здесь настоящий праздник! — удивленно воскликнул Калле Хлюпик, увидев, как все красиво.

— Ясное дело, настоящий! — возмутился Пелле. — А ты думал, мы хвастаемся?

У Калле Хлюпика сразу стал несчастный вид. Он всегда так переживал, когда на него сердились!

— Пелле Хвастун, ты должен быть добрым к Калле Хлюпику! — вмешался Маттиас. — Вспомни, ведь у вас один и тот же папа!

— Ага, дядя Клумпе-Думп! — разом закричали Калле и Пелле и захлопали в ладоши.

Постепенно все мамы и папы собрались во дворе, пришла даже мама Калле Хлюпика, хотя она еще никого здесь не знала.

Последним явился дядя Клумпе-Думп. Он еще не совсем проснулся и все время тер себе глаза.

— Шапочка с помпоном, шапочка с помпоном! — заорал Пелле.

— Нельзя ли обойтись без нее? Только сегодня вечером! — взмолился дядя. — Сегодня ужасно жарко.

Но неумолимый Пелле надвинул шапочку с помпоном прямо на уши дяде. Потом, вспомнив про свою канарейку, вынес ее во двор вместе с клеткой, чтобы она не чувствовала себя одинокой и брошенной.

Только все собрались танцевать, как явился пекарь, задержавшийся до вечера в пекарне. Он держал под мышкой маленькую гармонику.

— Я слышал, что здесь будет праздник, и решил немного поиграть, — сказал он и заиграл песенку «Лягушата».

Филиппа пугалась, когда Пелле Маленький подходил слишком близко. Ведь он хрюкал и вертел пяточком, как настоящий поросенок.

Потом пекарь заиграл «Пора жать овес», а когда он дошел до песенки «Я приглашаю тебя», все по двое

взялись за руки. Все, кроме Пелле Маленького, которому пары не хватило.

Не найдя себе пару, он запел:

Так ему и надо!

Так ему и надо!

Пелле наш стоит в кругу!

Никому не нужен...

Тут ему в голову пришла великолепнейшая идея! Он кинулся к птичьей клетке, чтобы схватить канарейку и начать с ней танцевать, прежде чем все запоют: «Ой, как стыдно! Ой, как стыдно!..»

Но случилось нечто просто ужасное!

Клетка была пуста, канарейка улетела!

— Моя канарейка! Где моя канарейка?! — заорал Пелле и отчаянно заплакал.

Пекарь тотчас перестал играть, и все забегали в поисках канарейки.

Одна Филиппа радовалась.

— Пи-пи летает! Пи-пи летает! — кричала она, показывая пальчиком в небо.

— Слыхали! Слыхали! Это она выпустила канарейку! — И Пелле заплакал еще сильнее. — Где она, моя бедненькая канареечка?

Слезы так и лились на пороссячью мордочку.

Дядя Клумпе-Думп подошел к мальчику и погладил его по пяточку.

— Не плачь, дружок! Птица вернется, и очень скоро. Мы все поможем ее отыскать.

— Будете звать ее, кричите «Кафепанна!»* Она думает, что ее так зовут. — И Пелле с надеждой посмотрел на Клумпе-Думпа.

Сам он вместе с Маттиасом пустился на поиски по улице Фрейгатан.

— Кафепанна! Кафепанна! — кричали они так громко, что эхо отдавалось в безлюдных домах на улице Далагатан.

— Если я ее не найду, я сойду с ума, — всхлипывал Пелле Маленький.

Маттиас пытался его утешить.

— Она прилетит, я обещаю! — уверял он.

Миновав ворота, они очутились в каком-то дворе, откуда просматривалось еще несколько других дворов. Вдалеке разглядели они и свой собственный двор с майским шестом, похожим на зеленую черточку, рядом со скамейкой, где выбивали ковры.

— Надо осмотреть каждое дерево, — сообразил Пелле. — Канарейки, они ведь на деревьях сидят!

* Кофейник (шв.).

Они начали кружить под деревьями и изо всех сил орали: «Кафепанна! Кафепанна!»

— Лучше кричать потише, а не то она подумает, что мы на нее сердимся, — сказал Пелле. Голоса их так и гремели над дворами.

Тогда они стали тихонько манить: «Кафепанна! Кафепанна!»

Канарейка все равно их не слышала. Во всяком случае, она не показывалась.

Вдруг Маттиас с размаху упал прямо носом вниз — ведь они шли, задрав голову и разглядывая ветки деревьев, и как раз на пути Маттиаса оказалась большая яма.

Тут Пелле забыл о своей горе и громко расхохотался: — Ой, как смешно! До чего ж ты перемазался! Ты весь черный! Ой, сколько травы у тебя в волосах! Хо-хо-хо!

Маттиас выбрался из ямы, вытер свой перепачканный нос и снова задумчиво глянул вниз.

— Да, вроде бы в такой же яме ты зарыл шорты своей мамы?

Пелле не хотелось отвечать. Стоило ему подумать о маминых шортах, как у него прямо зуд начинался. — Чепуха, та яма была куда больше! — нахмурился он. — А твой приставной нос лежал тоже там.

— А вдруг и в этой яме спрятан приставной нос? — загорелся Маттиас и стал шарить рукой в траве.

Но носа здесь не было.

— Ты рассказал маме про шорты? — спросил Маттиас.

— Знаешь... я шепнул ей об этом, — признался Пелле.

— Когда же?

— Один раз ночью. Хотя не знаю, может, она и спала. Потому что она ничего не ответила.

— Значит, спала, — рассудил Маттиас. — А когда скажешь по-настоящему?

Пелле снова попытался уклониться от ответа и сморщил поросычью мордочку.

— Когда-нибудь зимой. Может, после Нового года. А если она будет злая, никогда не скажу!

Они продолжали свой путь, перескочили через остатки какой-то стены, перелезли через несколько заборов и попали в какой-то новый двор.

На маленькой зеленой лужайке под каштановым деревом лежали дядя Клумпе-Думп с Пончиком и, не отрываясь, глядели в небо.

При этом дядя выводил такие красивые и такие печальные трели, что сердце щемило и хотелось плакать. Но канарейка так и не показывалась.

— Где ты научился петь как настоящая птица? — широко раскрыв глаза, спросил Пелле.

— Одни умеют, другие нет, — застенчиво ответил, опуская глаза, дядя.

— Пошли обратно, в ваш двор, — решительно произнес Пончик. — Может, она спряталась за мусорными баками или еще где-нибудь.

Дядя Клумпе-Думп с трудом поднялся на ноги и стал счищать травинки со своих брюк.

— Кто быстрее перескочит через забор? — вскричал Пелле.

Но дядя покачал головой.

— Только не мы с Пончиком! — ответил он. — Мы слишком большие и упитанные.

— Тогда вы обойдите кругом, а мы с Пелле Маленьким перепрыгнем! — решил Маттиас.

Немного погодя они снова встретились во дворе. Там в полном одиночестве с Филиппой на коленях сидела мама Маттиаса и стерегла сок.

— Кафепанна так и не появлялась? — живо спросил Пелле.

— Нет, канарейка не прилетала.

Мало-помалу все один за другим, отрицательно качая головой, возвращались во двор. Нет, они нигде и следа канарейки не видели! Должно быть, она улетела навсегда.

Пелле сел на скамейку, где выбивали ковры, и опять заплакал. Настроение у всех было ужасное.

— А мы-то собирались танцевать и веселиться до упаду! — сказал Маттиас и горестно поглядел на майский шест.

Но тут он заморгал глазами, как будто ему попала соринка, и еще раз пристально взглянул на майский шест.
— Что за желтый цветок торчит в венке Пелле Маленького? Разве мы собирали желтые цветы, дядя Клумпе-Думп?

Но тут все разом вскочили и закричали хором:

— Кафепанна! Кафепанна! Ура!

Это и в самом деле была маленькая Кафепанна, которая блаженствовала среди цветов и трав!

Дядя Клумпе-Думп принес птичью клетку, а Маттиас с Пелле, мешая друг другу, кинулись открывать ее.

Прыг — и Кафепанна в клетке!

А Пелле, который был начеку, поспешно захлопнул дверцу.

Пекарь заиграл торжественный полонез, а мама Маттиаса налила всем соку.

Пелле на минутку исчез, а когда вернулся, вид у него был загадочный.

— В какой руке, Маттиас? — спросил он, держа руки за спиной.

— В этой. Нет, в той! — ответил Маттиас, указав сперва на одну, а потом и на другую руку.

Пелле медленно разжал другую руку.

Что-то белое засветилось в сумерках на его ладони.

Вставные зубы!

— Бери их за то, что нашел канарейку, — предложил Пелле Маленький. — Пожалуйста, они твои!

Маттиас от радости даже порозовел. Он не мог наглядеться на эти зубы. Он стоял и долго их поглаживал.

— Ну, теперь у меня есть все-все на свете! — сказал Маттиас маме. — У меня есть даже вставные зубы!

Все очень веселились.

Хороший был Праздник середины лета!

В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 6+
Для дошкольного и младшего школьного возраста

Барбру Линдгрен

Привет, Маттиас!

Иллюстрации автора

Перевод Людмилы Брауде

Корректор Ольга Семченко

Дизайнер-верстальщик Николай Кормер

Главный редактор Ксения Коваленко

Директор издательства Татьяна Кормер

ООО «Издательство Альбус корвус»
albuscorvus.ru, readers@albuscorvus.ru
Магазин: albuscorvus.shop

Подписано в печать 07.08.2019

Формат 60 × 84/16

Печать офсетная

Тираж 3000 экз.

Заказ № 3644

ISBN 978-5-00114-061-0

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaoimpk.ru, тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Летом спешить некуда, можно просто радоваться жизни. Надоело искать сокровища — пора строить городок для улиток. Тут будут домики, больница, даже церковь. Еще каникулы — лучшее время, чтобы собрать коллекцию билетиков, банок или зубов. Или искать страшного тролля. Но настоящий праздник наступит, когда приедет толстый дядя Клумпе-Думп. Он любит прыгать с дерева в кучу сухой листвы и кидаться подушками.

Это вторая книга из трилогии о Маттиасе и его друзьях. Ее автор — Барбру Линдгрен. Талант писательницы открыла Астрид Линдгрен, ее однофамилица. Серия о Маттиасе стала дебютом Барбру, истории о нем публиковали в издательстве «Raben & Sjögren», где редактором работала Астрид. С тех пор книги были переведены на тридцать языков, издавались в СССР и России. Сама Барбру стала лауреатом престижных премий Ханса Кристиана Андерсена и... своей однофамилицы Астрид.

ЕАС

6+

КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ
УНИКАЛЕН
ЛЮБАЯ МАРКИРОВКА
УСЛОВНА

